

ВАДИМ АДАДУРОВ

ВОЙНА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ
РУССКОГО ПОХОДА НАПОЛЕОНА

Том 1
Религия — язык

VADYM ADADUROV

THE WAR OF CIVILISATIONS

SOCIO-CULTURAL HISTORY OF
NAPOLEON'S RUSSIAN CAMPAIGN

Volume 1
Religion – Language

LAURUS · KYIV · 2017

ВАДИМ АДАДУРОВ

ВОЙНА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ
РУССКОГО ПОХОДА НАПОЛЕОНА

Том 1
Религия — язык

LAURUS · КИЕВ · 2017

УДК 930.85:355.014Наполеон
ББК 63.3(4)511Наполеон
А28

Ададунов Вадим

А28 Война цивилизаций: Социокультурная история русского похода Наполеона.
Т. 1: Религия — Язык / Вадим Ададунов. — Киев: Лаурус, 2017. — 400 с.

ISBN 987-617-7313-16-7

Автор монографии приглашает читателей, интересующихся прошлым конфликтов Запада и России, отправиться в занимательное интеллектуальное путешествие от господствующей в историографии трактовки войны 1812 года как событий геополитического масштаба к ее осмыслению в качестве текстуальной проекции, сконструированной в рамках дискурсивных процедур, установленных противоборствующими имперскими центрами власти. Их общим местом являлось обвинение противника в цивилизационной, в первую очередь религиозной и языковой, чуждости. Деконструируя обоюдные обвинения воюющих сторон, автор поэтапно подводит читателей к выводу, что в 1812 году имел место конфликт различных вариантов единой европейской культуры — революционной и традиционалистской, ученой и народной. Книга является подкрепленным множеством примеров из будней 1812 года ответом историка на умозрительную концепцию столкновения цивилизаций, предложенную политологом С. Ф. Хантингтоном.

УДК 930.85:355.014Наполеон
ББК 63.3(4)511Наполеон

Исследование осуществлено в рамках авторского проекта «1812 год как война цивилизаций», поддержанного Фондом Дома наук о человеке (Fondation Maison des sciences de l'homme, Paris, France). Автор выражает глубокую благодарность проф. Клоду Ланглуа (Claude Langlois) и проф. Филиппу Портье (Philippe Portier) за общее методологическое руководство первыми четырьмя главами работы, проф. Игорю Скочилясу за содействие в осуществлении этого издания.

В оформлении обложки использована репродукция картины французского художника Пьера Ноласка де Бержера «Александр I представляет Наполеону I калмыков, казаков и башкир русской армии в Тильзите 9 июля 1807 года» (1810, художественное собрание Версаля).

ISBN 987-617-7313-16-7

© Вадим Ададунов, 2017

Оглавление

Список сокращений.....	9
Введение.....	11
<i>Глава первая. Социоантропологическая модель религиозного поведения противоборствующих сторон</i>	
Методология	67
Внешняя сторона модели. Отношение к религиозным церемониям и обрядам	69
Внутренняя сторона модели. Вера / неверие в Бога и промежуточные состояния.....	88
О столкновении религиозных мировоззрений в эпоху Наполеона	104
Соединение внутренних и внешних элементов модели. Роль религии в политических расчётах противников	111
Тебе Бога хвалим / Te Deum laudamus. Религиозные чествования военных побед в 1812 году.....	131
<i>Глава вторая. Представления французов о религиозности противника</i>	
Процессы социального создания и распространения образов.....	142
«Едва ли Наполеон признавал русских за христиан»	150
Страна церквей и колоколен. Сакральные доминанты «русского» пейзажа в нарративах участников похода	161
«Религиозный туризм» чинов Великой армии	165

*Глава третья. Использование Великой армией
церковных объектов и профанные практики*

Военные судьбы монастырей	173
Культурологическая проблема обезщивания храмов	181
Обыкновенные мародеры. Профанация храмов чинами Великой армии	195
Император-мародер. Наполеон как инициатор разграбления кремлевских соборов	213

Глава четвертая. Отношения с духовенством

Неоднозначная картина на землях бывшей Речи Посполитой	224
Разведчики в сутанах	249
Веротерпимость «пришельцев с Запада» и ответная реакция представителей духовенства	252

*Глава пятая. Социолингвистические аспекты
русского похода Наполеона*

Иллюзия языкового разрыва	278
Языки контактов	283
1. Parlez-vous français?	288
2. Sprechen Sie Deutsch?	300
3. Rozmowiacie po polsku?	302
4. Latine loqueris?	307
5. Вы говорите по-русски?	310
Социальные сегменты коммуникационного поля	316
Универсальный язык жестикуляции и мимики	330
Еще раз о стереотипном образе «шаромыжника»	333

Промежуточные выводы	336
Источники и литература	338
The War between Civilisations. A Brief Introduction to a Socio-Cultural History of Napoleon's Russian campaign	367
Именной указатель	387
Географический указатель	395

*Моей дорогой маме,
Александре Михайловне,
посвящается*

Список сокращений

- AD — Archives diplomatiques du Ministère des affaires étrangères. Courneuve
- AN — Archives Nationales. Paris
- BH — Bayerisches Hauptstaatsarchiv. München
- Biographie universelle — Biographie universelle ancienne et moderne de histoire [...] en 45 vol. / Sous la direction de L. G. Michaud. Paris
- Campagne de Russie (1812). Opérations militaires — Campagne de Russie (1812). Opérations militaires (24 juin — 19 août); Supplément (24 juin — 10 août) // Publication par G. F[abry]. Paris: L. Gougy — R. Chapelot, 1900 — 1903. LXX, 656 p.; 394 p.; XXVII, 614, 217 (annexes) p.; III, 832, 397 (annexes) p.; III, 936 p.
- Correspondance générale — Bonaparte Napoléon. Correspondance générale, publiée par la Fondation Napoléon. T. 12. Paris: Arthème Fayard, 2012. 1530 p.
- HHStA — Hof-, Haus- und Staats-Archiv. Wien
- JE — Journal de l'Empire. Paris
- KL — Kurier Litewski. Wilno
- Lettres interceptées — Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par M. Goriaïnow. Paris: La Sabretache, 1913. XVI, 440 p.
- LVIA — Lietuvos valstybės istorijos archyvas. Vilnius
1812. La guerre de Russie— 1812. La guerre de Russie: Notes et documents / Publ. par A. Chuquet. T. 2 — 3. Paris: Fontemoing et Cie, 1912
- MU — Le Moniteur Universel. Paris
- REN — Revue des études napoléoniennes. Paris
- Sabretache — Carnet de la sabretache: Revue militaire rétrospective. Paris.
- SHD — Service historique de la Défense. Vincennes
- TGM — Tyczasowa Gazeta Mińska
- Акты — Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные по поручению Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича под редакцией К. А. Военского. Т. 1; 2; 3 // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 128; 133; 139. Санкт-Петербург: Штольценбург, 1909; 1911; 1912. XLIV, 582 с.; LIII, 573 с.; LIV, 498 с.

- Бумаги — Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Шукиным. Ч. 1, 5, 9 Москва: Типография А. И. Мамонтова, 1897, 1900, 1905. VI, 164 с.; V, 280 с.; VI, 428 с.
- ВЕ — Вестник Европы, издаваемый М. Каченовским. Москва: Университетская типография, 1812
- ВЕВ — Волынские епархиальные ведомости (неофициальная часть). Кременец Двенадцатый год — Двенадцатый год. Исторические документы собственной канцелярии главнокомандующего Третьей западной армией генерала от кавалерии А. П. Торماسова / Изд. Д. П. Ахлестышев. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1912. VIII, 723 с.
- Документы и материалы — Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г. // Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 37. Вильна, 1912. XVI, 461, xxii с.
- Документы: Межархивный указатель — Документы по истории Отечественной войны 1812 года: Межархивный указатель // <http://1812.rusarchives.ru>
- НГАБ — Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Мінск
- Отечественная война 1812 года — Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы ежегодных научных конференций в Музее-заповеднике «Бородинское поле»
- Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.) — Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.) / Сост. Н. Ф. Дубровин // Записки императорской академии наук. Т. 43. Санкт-Петербург: Типография И. Глазунова, 1882. VI, 691 с.
- РА — Русский архив. Москва
- Рассказы очевидцев — Рассказы очевидцев о двенадцатом годе / Собрала Т. Т[ольчева]. Москва: Катков и К., 1872. 54 с.
- РС — Русская старина. Санкт-Петербург
- СС — Смоленская старина. Вып. 2 / Под ред. П. В. Михайлова и Н. Н. Радкова. Смоленск, 1912. VIII, 421, XVIII с.
- Сборник — Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива собственной Его императорского Величества канцелярии / Под. ред. Н. Дубровина. Вып. 2. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1889. 1 — XXIV, 531 с.
- УІЖ — Український історичний журнал. Київ
- ФЕ — Французский ежегодник. Москва
- ЦДІАУЛ — Центральний державний історичний архів України у Львові

Введение

Война — худший способ
сбора информации о чужой культуре.

Станислав Лем. Эдем

Среди диковинных предметов, представших взору Наполеона и его соратников в московском Кремле, заметно выделялись крест колокольни Ивана Великого и царь-пушка. В 1812 году эти гигантские и, следовательно, не лишённые культурного символизма артефакты идеально вписались в распространённые на Западе представления о таких иррациональных чертах «русского характера», как набожность и воинственность. Испытывая смешанные чувства презрения и страха, многие участники похода Наполеона в Россию сочли, что религиозный «фанатизм» и агрессивность «русских варваров» противоречат нравам «цивилизованных европейцев».

Подобного рода мнения наверняка можно проинтерпретировать в свете теорий Н. Я. Данилевского и А. Дж. Тойнби, которые предполагали существование русской православной цивилизации, обособленной от остальной Европы. Но несравнимо более заманчивым кажется рассмотрение войны 1812 года в рамках концепции С. Ф. Хантингтона, как столкновения социокультурных смыслов и их носителей¹. В фокусе внимания американского политолога очутились отношения Запада, как «единственной из цивилизаций, оказавшей огромный и временами разрушающий эффект на все остальные цивилизации» (с. 281), с так называемой «православной» цивилизацией, «стержневым» государством которой после падения Византии стало Московское царство, а затем Россия.

Хантингтон предположил, что причины многочисленных конфликтов Запада и России крылись в существенных различиях их социальных культур, главным образом в сферах религии и языка (с. 80), а также в отношении к наследию античного мира, разделению институтов духовной и светской власти, верховенству закона над произволом власть

---

¹ Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of world Order*. New York (NY): Simon and Schuster, 1996. 367 p. Дальше ссылки в тексте даются по русскому изданию книги: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Ю. Новиков и Т. Велимеев. Москва: АСТ, 2003. 603 с.

придержавших, плюрализму социальной и политической структуры, представительской демократии, свободе личности. При этом исследователь констатировал полную либо существенную несовместимость западной цивилизации с культурными стандартами российской истории по семи из восьми указанных параметров (католическая религия или протестантизм, латинские корни языков, отделение церкви от государства, принцип верховенства права, социальный плюрализм, традиции представительских органов власти, индивидуализм). Общим для православной России и латинского Запада Хантингтон считал заимствование элементов античного наследия, однако в русском случае оно пришло через Византию, следовательно, существенно отличалось от западного опыта, черпавшего образцы социальной культуры из Рима (с. 97–102). Констатировав, что «Россия вовсе не подверглась либо слабо подверглась влиянию основных исторических феноменов, присущих западной цивилизации, среди которых — римское католичество, феодализм, Ренессанс, Реформация, экспансия и колонизация заморских владений, Просвещение и возникновение национального государства» (с. 211), ученый предложил переосмыслить прошлое ее отношений с Западом методом помещения обычно изучаемых историками событийных феноменов в рамки генерирующих их на протяжении длительной временной протяженности различий социокультурного характера.

Достоверность концепции Хантингтона напрямую зависела от глубины проникновения в прошлое взаимоотношений Запада и России; но ее автор, ограничившись кратким обзором нескольких кризисных моментов, обошел своим вниманием даже такое знаковое для формирования исторического сознания россиян событие, как борьба с вторжением Наполеона.

Предложенная вниманию читателей книга является в теоретическом плане несколько запоздалым ответом историка на вызов, брошенный его дисциплине политологом (ныне уже покойным), а в практическом — попыткой проверить основные положения концепции столкновения цивилизаций на обширном документальном материале. Исследование призвано дать ответ на вопрос о том, был ли русский поход Наполеона неизбежным следствием конфликта межцивилизационного уровня, или же — обычной войной за разного плана выгоды, представленной современниками и потомками в виде соответствующей текстуальной метафоры. Явственно присутствующий в текстах эпохи 1812 года момент оценки религии, языка, социальных отношений и институций воюющих государств в общих чертах соотносится с предложенным Хантингтоном набором критериев для диагностики конфликта между цивилизациями. При этом он весьма близок к предмету и задачам так называемой «ментальной картографии»², а также

---

² Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford (CA): Stanford University Press, 1994. 419 p.; Шенк Ф. Б. Ментальные карты:

исторической антропологии, проявлявшей живой интерес к образам взаимного восприятия культур³. Вышеупомянутые междисциплинарные направления делают ставку на осмысление социокультурных феноменов через призму их понимания современниками, главным образом — внешними наблюдателями, а не сравнение структур, смоделированных исследователем в наше время. Обращение к рассказам современников о социокультурных параметрах войны 1812 года обусловлено также слабой методологической пригодностью исторической компаративистики для изучения цивилизаций⁴. Ведь сопоставлять черты великих культур — это все равно, что сравнивать человеческие характеры. Несмотря на то, что в субъективном мышлении каждого из нас присутствует мнение о собственной исключительности а, порой, и превосходстве, с объективной точки зрения ни один человек не является носителем абсолютной жизненной истины. Это замечание применимо и к социальной культуре Запада, государства которого на протяжении последних пяти веков пользовались плодами стремительного материального и идейного прогресса своей цивилизации, чтобы распространять ее ценности на те регионы мира, население которых отличалось не только цветом кожи или изгибом надбровных дуг черепа, но и общественным устройством, верой, языком⁵.

Конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней / Пер.с нем. А. Жоровой // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. № 4. Москва, 2001. С. 4—17; Аладуров В. В. От ментальной картографии к военной топографии: Представления французов о восточноевропейском пространстве накануне кампании 1812 г. (на примере юго-западных окраин Российской империи) // Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: Историческое сознание и литературные мифы / Сост. Н.М. Великая, Е. Д. Гальцова. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. С. 21—43.

³ Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. В. В. Иванов. Москва: ЭКСМОПресс, 2000. 512 с.; Ле Гофф Ж. Средневековый Запад и Индийский океан: Волшебный горизонт грез // Ле Гофф Ж. Другое средневековье. Время, труд и культура Запада. Пер. с фр. С.В.Чистякова, Н. В. Шевченко, ред. В. А. Бабинцев. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2000. С. 169—179; Petiteau N. Pour une anthropologie historique des guerres de l'Empire // Revue d'histoire du XIXe siècle. № 30. 2005 // <https://rhi9.revues.org/1013>.

⁴ Классическая модель исторического сравнения предполагает «параллельное изучение обществ, расположенных одновременно по соседству и в одном временном отрезке, бесконечно взаимовлияющих друг на друга, подчиненных в их развитии, в силу их близости и синхронности, действию одних и тех же существенных причин и, по крайней мере, имеющих общее происхождение». (Bloch M. Pour une histoire comparée des sociétés européennes // Bloch M. Mélanges historiques. Т. 1. Paris: CNRS, 1963. P. 19).

⁵ Said E. W. Orientalisme. London: Penguin Books, 1977. 397 p. Рус. издание: Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А. Говорунов. Санкт-Петербург: Русский мир, 2006. 640 с.; Said E. W. Culture and Imperialism. New York (NY): Knopf, 1993. 380 p. Рус. издание: Саид Э. В. Культура и империализм / Пер. с англ. А. Говорунов. Санкт-Петербург: Даль, 2012. 736 с.

Однако, «русский случай» представляется куда более сложным. Ведь еще в XVIII веке надменное отношение западных интеллектуалов к России ничуть не мешало им признавать, что «в порыве своих юности и роста она прогрессирует к цивилизации» и принадлежит к «преобладающим странам Европы»⁶. Первые серьезные признаки беспокойства обнаружились под впечатлением русской экспансии в Польше и Северном Причерноморье. Особенно болезненно восприняли рост могущества России во Франции, претендовавшей в «век разума» на роль не только самой влиятельной державы континента, но и идейного наставника европейцев.

Следствием «утраты существенного барьера, который составляла Польша между Россией и цивилизованной Европой»⁷, стало формирование в умонастроениях французского общества психического комплекса, влияния которого не избежал и сам Наполеон. Став правителем Франции, он подчеркивал, что не повторит ошибок Людовика XV, который своей нерешительностью потакал «аморальной политике», осуществляемой в Польше императрицей Екатериной II вопреки основоположным принципам Просвещения — «естественных прав человека» и «общественного договора»⁸.

Но, вероятно, еще более существенную роль в недружелюбном отношении французской общественной мысли к России сыграл коллективный страх перед вероятным нашествием «северных варваров». Его следы прослеживаются, в частности, в текстах о России, появившихся из под пера французских авторов в последнее двадцатилетие XVIII века. Едва заметный и, как будто, не до конца еще осознанный в повествовании П.-Ш. Ле-века, созданном под впечатлением первого раздела Польши⁹, этот страх перерос в настоящий испуг в «Тайных воспоминаниях о России» Ш.-Ф. Массона — француза, который десять лет (1786—1796) провел на российской военной службе и писал свое сочинение под впечатлением европейского похода русской армии 1799 года. При ознакомлении европейцев начала XIX века с фрагментом книги Массона, в котором речь шла о якобы данном фельдмаршалом А. В. Суворовым, этим, по выражению автора, «современным Аттилой», обещании завоевать Францию всего пятьюдесятью тысячами казаков, — «варваров, имеющих привычку к грабежу, украшенных бородами, одетых в жалкие лохмотья, оседлавших своих

---

⁶ SHD. Série «Mémoires et reconnaissances» (далее - MR). Sous-série «M 1». Carton 1487. Doc. № 1. [Politiques de l'Empire de Russie, suite de la statistique de M. Hassel].

⁷ L[esur Ch.-L.]. De la politique et des progrès de la puissance Russe. Paris: Guignot et Michaud, 1807. P. 106.

⁸ Bourienne L.-A. Mémoires sur Napoléon. T. 9. Bruxelles: H. Tarlier et A. Wahlen, 1830. P. 87—88; Caulaincourt A.-A., de. Mémoires / Introduction et notes de J. Hanoteau. T. 1. Paris: E. Plon, 1933. P. 287.

⁹ Lévesque P.-Ch. Histoire des différents peuples soumis à la domination des Russes. Paris: Burelaire, 1783. P. 1, 3.

кляч и вооруженных лишь пиками и кнутами»¹⁰, — в воображении читающей публики наверняка воскресали ужасающие образы диких гуннов из знаменитого повествования позднеантичного писателя Аммиана Марцеллина¹¹. В эпоху Французской революции, отмеченную не только военным, но и идеологическим противостоянием с Россией, ретрансляторами фобий и предубеждений нередко становились периодические издания, на страницах которых публиковались так называемые «политические писатели» (*écrivains politiques*)¹². Эти предшественники современных политологов, прибегая к аргументам не только злободневного, но и исторического характера, пытались отождествить ценности западной цивилизации с современной моделью французского общества, а варварство — с ее консервативным русским антиподом.

Императору французов, который был сформирован как личность общественным дискурсом его времени и вследствие этого являлся пленником идей и стереотипных представлений, характерных для сформировавшей его социальной среды¹³, не понадобилось особых усилий, чтобы акцентировать в воображении французов зловещий образ России. Едва ли не первым из деятелей нового времени осознав, что «война зависит от общественной мысли»¹⁴, Наполеон определил себе в режиссируемой им самим мизансцене главную роль — «Спасителя» цивилизации от «коварства русских варваров». В высказываниях императора и приближенных к нему публицистов русские изображались как одно из тех воинственных племен, которые, прибывая с Востока, неоднократно угрожали европейской культуре. Задрапировав свои размышления в символические одежды классицизма, Наполеон позиционировал себя как исторический наследник древнеримской государственной традиции. Он предпочитал сравнивать себя с античными императорами — Траяном, Диоклетианом, Аврелианом и Феодосием, которые активной

---

¹⁰ M[asson Ch.-F.]. *Mémoires secrets sur la Russie pendant les règnes de Catherine II et de Paul Ier*. 2ème édition. Paris: Firmin Didot frères, 1859. P. 298.

¹¹ См.: Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада* / Пер. с фр. Е. И. Лебедева, Ю. П. Малинин, В. И. Райцес, П. Ю. Уваров. Москва: Прогресс-Академия, 1992. С. 13. Увиденных им в составе русской армии калмыков западный очевидец сравнивал именно с гуннами в описании Аммиана, что выдает присутствие классических литературных топосов в описании современниками событий 1812 г. (Арднт Э. М. Из воспоминаний о 1812 году // РА. Г. 9. 1871. № 2. С. 85).

¹² См. подробнее: Промыслов Н. В., Прусская Е. А., Митрофанов А. А. «Русская угроза» во французской прессе конца XVIII — начала XIX вв. // ФЕ. 2015. С. 343–391.

¹³ Упомянутое суждение неоднократно высказывалось членом Французского института Ж. Тюларом во время его наполеоноведческого семинара в IV секции парижской Практической школы высших исследований (Ecole Pratique des Hautes Etudes, Sorbonne), участником которого мне посчастливилось быть на протяжении 2002/2003 учебного года.

¹⁴ *Campagne de Russie (1812). Opérations militaires (1er — 10 août)*. Smolensk. P. 338. [Napoléon à Berthier, 7 août 1812].

военной политикой на восточных окраинах Европы защитили Рим от нашествия варваров. В восьмую годовщину коронации Наполеона «Журнал де л'Амбир» указывала, что «Париж является не только наследником древнего Рима», но и по культуре отношения к покоренным народам превзошел его:

Франция не будет тиранической госпожой мира, напротив она станет его справедливой судьей и покровительницей; она связывает свои интересы и славу с восстановлением давних уз братства, объединявших все европейские народы, обеспечением им свободы мореплавания и торговли, стабильности благ цивилизации¹⁵.

Начиная с 1806 года, император французов подчеркивал преимущество своего титула и от франкских монархов, указывая при этом, что как старший сын Римско-католической Церкви является ее покровителем и защитником от православных и мусульман¹⁶. Интеллектуальную попытку связать героические сцены древней истории с ситуацией наполеоновской империи предпринял пользовавшийся репутацией отменного знатока обычаев и нравов России аналитик из Министерства внешних сношений Л.-Н. Леклерк. Напомнив своему императору о том, как франкский полководец Карл Мартелл остановил нашествие арабов, он считал возможным сопоставить масштаб этих легендарных деяний с грядущим предназначением Наполеона, «созданного, кажется, тем же самым Провидением, чтобы оттолкнуть русских вглубь их пустынь». Призывая императора французов «защитить цивилизованную Европу от варварской Европы», Леклерк подчеркивал, что обязательным условием успеха данного предприятия является «объединение всех цивилизованных наций под предводительством своего владыки»¹⁷.

Отметим созвучие этой мысли Леклерка с утверждением Хантингтона о том, что в моменты открытых столкновений цивилизаций их «стержневые государства» стараются сплотить вокруг себя так называемую «цивилизационную когорту», состоящую из менее влиятельных государств (с. 325). Применяя тезис о цивилизационных когортах к историческому примеру войн между Францией и Россией в начале XIX века, укажем на увеличение мощи Франции за счет прямого или опосредствованного подчинения народов, близких к ней по культурному уровню. Благодаря военным победам над основными внутривизицизационными оппонентами стержневого статуса Франции, которыми

---

¹⁵ JE. Dimanche 6 décembre 1812. P. 3. [Empire Français, Paris, 5 décembre: 8e anniversaire du couronnement de Napoléon].

¹⁶ AD. Série «Correspondance politique» (далее – CP). Sous-série «Rome». Vol. 939– 940. F. 2. [Napoléon à Pie VII, 6 janvier 1806].

¹⁷ Ibid. Série «Mémoires et documents» (далее – MD). Sous-série «Russie». Vol. 26. F. 14. [Mémoire sur les causes de l'ambition de la Russie et les moyens de la réprimer, par M. Le Clerc].

являлись на континенте Австрия и Пруссия, оккупации Италии, Испании, Нидерландов, Германии, части Польши, Наполеон создал вокруг французского стержня, патетически именуемого как «великая нация» (*la Grande Nation*), «Великую империю» (*le Grand Empire*), объединившую большинство государств Запада (за исключением Великобритании и Швеции).

Первой наполеоновской войной, получившей оценку со стороны французских правительственных экспертов, как проявление конфликта между, с одной стороны, «цивилизованной Европой» и, с другой, — «варварской Россией», являлась кампания 1806–1807 годов.

Как отмечал в январе 1807-го в одном из меморандумов Наполеону бывший дипломатический агент Франции в Речи Посполитой П. Парандье, «несмотря на расположение столицы и некоторых своих провинций, Россия, подобно Турции, является, если принять во внимание множество других показателей, скорее азиатской империей, чем европейской державой»¹⁸. Поразительное сходство с основными тезисами концепции Хантингтона обнаруживаем в опубликованном в том же 1807 году исследовании аналитика из Министерства внешних сношений Ш.-Л. Лезюра (и сходство это отнюдь не свидетельствует в пользу концепции американского политолога)¹⁹. Лезюр, принадлежавший к узкому кругу политических писателей, пользовавшихся личным доверием Наполеона, исключил Россию из числа цивилизованных государств Европы на основании утверждения об общности социокультурных начал ведущих европейских государств. Особенно заметен мифологический характер этого утверждения на примере Швеции, территория которой никогда не входила в состав Римской империи:

Россия, новая для Европы, была до Петра Великого совсем чуждой ее политической системе. Франция, Германия, Испания, Португалия, Англия и Швеция, объединенные между собой тождеством нравов и религии, составляли вследствие этого как бы семью, в которой частный интерес мог возбуждать расхождение, но общие черты указывали на одинаковое происхождение: все они вышли из раздела Римской империи²⁰.

В конце 1811 года министр внешних сношений Ю.-Б. Маре поручил Лезюру расширить исследование о произрастании могущества России. Половина тысячного тиража этого сочинения²¹, увидевшего свет в октябре

¹⁸ Ibid. CP. Sous-série «Pologne». Vol. 324. F. 3. [Premier mémoire sur la Pologne, par M. Parandier].

¹⁹ См. общую оценку политических сочинений Лезюра, написанных им на службе в Министерстве внешних сношений: Masson F. Le département des affaires étrangères pendant la révolution 1787–1804. Paris: E. Plon, 1877. P. 491.

²⁰ L[esur Ch.-L.]. De la politique et des progrès de la puissance Russe. P. 7–8.

²¹ [Lesur Ch.-L.]. Des progrès de la puissance russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIXe siècle. Paris: Fantin, 1812. XIV, 514 p.

1812 года, была отправлена в действующую армию²². По видимому, французское руководство рассчитывало, что написанная Лезюром история России (в которой до реформ Петра I «невежество чиновников было соизмеримо только с невежеством духовенства», а «в русском языке отсутствовало слово для обозначения понятия *флот*»²³), поможет войскам осознать их цивилизационное превосходство над русскими «варварами».

В шестой главе своей книги Лезюр впервые опубликовал так называемое «Завешание Петра Великого»²⁴. Пункты этого документа, являющегося ярким примером литературного жанра политического псевдо-завещания²⁵, содержали программу последовательного подчинения всей Европы, включая Запад, деспотической власти России. Впрочем, читающей публике эта воображаемая перспектива показалась явно преувеличенной, более того в авторстве «Завещания Петра Великого» заподозрили самого Наполеона, репутация которого в период кампании 1812 года основывалась на образе борца с «русской угрозой»²⁶.

Действительно, во мнениях императора и его политических писателей наблюдается определенное сходство. В частности, общим моментом является понимание Европы, как единой «семьи», в которой России отводилась роль постылой «падчерицы». В 1816 году Наполеон высказал мысль о том, что

---

²² AD. Série «Correspondance politique. Supplément». Russie. Vol. 17. F. 351. [Note sur l'ouvrage de M. Lesur par M. le comte d'Hauterive, 19 septembre 1812]. Предназначенное стать идеологическим обоснованием похода Великой армии, это сочинение в итоге разделило судьбу последней: несколько сотен экземпляров книги Лезюра, обнаруженных россиянами среди брошенных в Вильне французами бумаг, были преданы огню. (Wilson R. Private Diary of Travels, personal Services and public Events, during Mission and Employment with the European Armies in the Campaigns of 1812, 1813, 1814, from the Invasion of Russia to the Capture of Paris. London: J. Murray, 1861. Vol. 1. P. 258).

²³ [Lesur Ch.-L.]. Des progrès de la puissance russe. P. 129.

²⁴ Ibid. P. 177–179.

²⁵ В контексте французской внешней политики мысль о существовании у русских царей последовательно реализуемого ими проекта расширения своего государства была впервые озвучена сыном опального казачьего гетмана Филиппа Орлика, Григорием, который в своем меморандуме 1742 г. отмечал: «История России доказывает нам, что даже во времена, когда в Московии царило полнейшее варварство, в намерения многих царей и, особенно, Ивана Васильевича всегда входило расширить завоевания до Балтики, Черного и Каспийского морей; таким образом, царь Петр лишь осуществил то, что планировалось многими его предшественниками. Вопреки поражениям, утратам, временным отступлениям, константой, постоянным фактором русской истории является расширение территории государства». (AD. CP. Pologne. Vol. 227. F. 442–452. [Mémoire présenté au ministre de France par le comte Orlick, mars 1742]). В 1797 г. другой политический эмигрант из Восточной Европы, поляк М. Сокольникский, представил министру внешних сношений Франции написанное им псевдозавещание Петра I. (SHD. MR. M 1. Carton 1486. Doc. 1. [Testament de Pierre le Grand]).

²⁶ Blanc S. Histoire d'une phobie: Le Testament de Pierre Le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 9. Paris, 1968. № 3–4. P. 266, 287.

англичане, французы, итальянцы и другие [нации] составляют одну и ту же семью людей Запада. У них одинаковые законы, обычаи, уклады жизни, они полностью отличаются от людей Востока²⁷.

Четырьмя годами ранее император французов вошел в историю как первый западный лидер, попытавшийся представить Россию частью восточной цивилизации. В ответ на распространенную противником прокламацию, подстрекавшую французских и немецких военнослужащих к дезертирству²⁸, Наполеон в продиктованном лично²⁹ «Ответе французского гренадера», изобличил несоответствие между претензиями Российской империи на ведущую роль в Европе, и ее ориентальными социокультурными стандартами:

Вы предлагаете нам убежище в России! Как можно? [...] Откажемся ли мы от охраняющих нас законов цивилизованного общества ради крепостного состояния и рабства? Сейчас мы являемся людьми, вы же предлагаете нам стать стадом! А что вы можете дать нам взамен? Вся ваша империя не стоит даже одной из наших провинций!³⁰

Думается, что причиной, побудившей императора к такому высокопарному заявлению, было осознание того, что у Великой армии отсутствовала общепонятная объединяющая идея. В самом деле, многоязыкое, поликонфессиональное, с различным опытом общественного и политического развития, объединение европейских государств, предоставивших армейские контингенты для похода в Россию, имело весьма смутное представление о своей цивилизационной общности. Встревоженный спрятанной под маской внешнего благополучия, но от этого не менее опасной ситуацией, в декабре 1811 года брат императора, король Вестфалии Жером писал Наполеону:

Ваше Величество, мне не ведомо в каких красках ваши генералы и агенты представляют Вам царящие в Германии умонастроения; если они говорят Вашему Величеству о подчинении, спокойствии и слабости, они ошибаются и обманывают Вас. Брожение умов достигло наивысшего уровня;

---

²⁷ Las-Casès E., de. *Mémorial de Sainte-Hélène, ou Journal où se trouve consigné, jour par jour, ce qu'a dit et fait Napoléon durant dix-huit mois*. Т. 6. Paris: Lebegue, 1823. P. 251.

²⁸ Документы: Межархивный указатель. [Предписание военного министра генерала от инфантерии М. Б. Баркляя де Толли генерал-лейтенанту П. Х. Витгенштейну о препровождении к нему прокламаций с воззванием к французским и немецким солдатам и их рассылке, 30 июня (12 июля) 1812 г.]; MU. Paris, vendredi 7 août 1812. № 220. P. 863. [Proclamation des Russes, trouvée aux avant-postes sur la Dwina, 17 juillet, Lituanie, Wilna, 20 juillet 1812].

²⁹ Labaume E. *Relation complète de la campagne de Russie, en 1812*. 2ème édition. Paris: Janet et Cotelte, 1820. P. 56.

³⁰ MU. Paris, vendredi 7 août 1812. № 220. P. 863. [Réponse d'un grenadier français].

с энтузиазмом поддерживаются и распространяются самые безумные надежды; упоминается пример Испании и, если начнется война, все земли между Рейном и Одером станут очагом широкого и действенного восстания. Могущественной причиной этих опасных поползновений является не только ненависть к французам и нежелание терпеть иностранный гнет. Она еще более сильно ощутима во всеобщем бедственном положении, полной руине всех классов, невыносимом налоговом обложении, военных контрибуциях, содержании войск, передвижении солдат и постоянно повторяющихся обидах всякого рода. Страшитесь отчаяния народа, которому больше нечего терять, поскольку у него отобрали все³¹.

Подобно многим политическим деятелям до и после него, Наполеон предпочел искать выход из тупика внутренних проблем, направляя социальное напряжение в сферу внешней политики³². Он надеялся, что поднятая походом в Россию волна шовинистического энтузиазма пригасит, пусть даже на короткое время, недовольство завоеванных народов, а общая победа над чуждым в культурном плане врагом упрочит императорский престол, пошатнувшийся вследствие восстания в Испании и английского вмешательства.

Наиболее проницательные европейские политики, в частности министр внешних сношений Австрии К. В. Л. Меттерних, уловив ход мыслей Наполеона, попытались построить собственную геополитическую игру в расчете на то, что военное столкновение с Россией если и не приведет сразу к краху французского владычества в Европе, то, по крайней мере, послужит прелюдией к его концу³³. Согласно свидетельству Л.-М.-Ж. де Нарбонна-Лара, генерал-адъютанта французского монарха, Наполеон заявил Меттерниху и своему тестю императору Австрии Францу I, что «само Провидение направило его против варваров, поскольку русские суть азиаты, которых Европа напрасно приняла под свою сень»³⁴. В ответ он услышал от австрийцев уверения, что «русские должны казаться всем народам бичом, [поэтому] война с Россией

---

³¹ AD. MD. Sous-série «France». Vol. 1790. F. 7. [Jérôme Bonaparte à Napoléon, 5 décembre 1811].

³² Согласимся с мнением организаторов выставки «Скажи мне, кто твой враг» о том, что «настойчиво формируемый «образ врага», в действительности является пропагандистским мифом, «пустышкой», политическим приемом, призванным отвлечь людей от реальных проблем, предъявить им вымышленных виновников их тяжелого положения». Цит. по: Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества. Москва: РОССПЭН, 2006. С. 20.

³³ Аладуров В. «Наполеоніда» на Сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку XIX століття. Львів: Український католицький університет, 2007. С. 464.

³⁴ Цит. по: Madelin L. Histoire du Consulat et de l'Empire. 2ème édition. T. 12. Paris: Tallandier, 1948. P. 86–87.

вполне соответствует ясно осознанному интересу старой Европы и цивилизации»³⁵.

Как оказалось впоследствии, этот почти ритуальный обмен социокультурными смыслами, состоявшийся в мае 1812 года в Дрездене, утвердил императора французов во мнении относительно предрасположенности великих европейских держав к забвению их конфликтов с Францией ради более важной задачи противодействия амбициям России. Пребывая в плену этой иллюзии, Наполеон в самом начале русского похода заявил в присутствии А.-О.-Л. де Коленкура, Ж.-К.-М. Дюрока и Л.-А. Бертье:

Александр [...] думает, что я прибыл в Вильну для того, чтобы вести переговоры о торговом договоре? Я прибыл сюда, чтобы одним махом покончить с варварским колоссом Севера. Нужно отбросить варваров в их снега таким образом, чтобы в последующие 25 лет они не смели вмешиваться в дела цивилизованной Европы. Даже в царствование Екатерины, — добавил он, — русские ничего или почти ничего не значили в европейских делах. В контакт с цивилизацией они вступили вследствие раздела Польши. Польша должна изгнать их [...] Если Александру нужны победы, то пускай воюет с персами, но не вмешивается в дела Европы. Цивилизация оттолкнет жителей Севера. Европу следует обустроить без них³⁶.

Через несколько дней Наполеон сказал штабному адъютанту О.-Ш.-Ж. де Флао в присутствии генерального интенданта П.-П. Денни, что «русские принесли в Польшу свое варварство, таковы их средства [правления]»³⁷.

1812 год был отмечен не только личной вовлеченностью императора в разработку идеи военного столкновения между западной («европейской») и российской («почти азиатской») цивилизациями, но и широким размахом пропаганды этой идеи. Поскольку образ войны 1812 года как столкновения полярных социальных культур прочно запечатлелся в сознании современников и памяти потомков благодаря высказываниям и описаниям сотен известных и неизвестных авторов, мне сложно согласиться с мнением современной исследовательницы М.-П. Рей, считающей, что «ни в один из моментов [русской] кампании он [Наполеон] не отважился воспользоваться европейской тематикой в качестве идеологического или политического рычага»³⁸. Существенное увеличение во Франции и

---

³⁵ Caulaincourt A.-A., de. Mémoires. Т. 2. P. 213.

³⁶ Ibid. Т. 1. P. 354.

³⁷ Denniée P.-P. Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. Paris: Paulin, 1842. P. 34.

³⁸ Rey M.-P. L'effroyable tragédie: une nouvelle histoire de la campagne de Russie. Paris: Flammarion, 2012. P. 57.

некоторых подвластных ей странах числа текстов, содержавших поэтику борьбы с «северными варварами», свидетельствует, что в период русско-го похода Наполеона сложился официальный запрос на такое идеологическое обоснование причин войны. Сулящий выгоду, этот политический запрос побудил авторов разного уровня попробовать свои силы на этой, весьма новой для них стезе творчества. Во Франции сочинения подобного содержания направлялись на рецензию директору архива Министерства внешних сношений А.-М. д'Отриву, являвшемуся крупным экспертом по восточноевропейской тематике (в частности, только в сентябре 1812 года он перечитал рукописи «Истории казаков» Жилло, «Морали и политики русских» доктора Зерновитца, «Поляков» Монтаня, «Русских в Польше» Р. Шазе). Тексты отдельных дилетантов (в частности, сочинение Монтаня, чиновника военно-морского министерства) были им отвергнуты, прошедшие же сито отбора рукописи рекомендованы к печати³⁹. Например, публикация сочинения Шазе была завершена 15 ноября 1812 года. В рекламных целях «Журнал де л'Амбир» поместил отрывок из этой книги, вкратце характеризовавший Россию как «подозрительность на троне, необразованность во дворцах, предрассудки в армии, жестокость в судах, грубость в хижинах»⁴⁰.

Востребованными властью оказались и тексты разработчиков концепта войны между цивилизациями из политического окружения императора, в частности сочинение тайного советника по вопросам внешней политики Ж.-Г. Рока де Монгайяра. Уже на первых страницах своей книги Монгайяр назвал русский поход «борьбой цивилизации с варварством», в котором император французов представляет во главе Великой армии «все цивилизованные нации»⁴¹. Особо отметим публицистическую активность Леклерка.

Развивая мысли, изложенные в меморандуме 1808 года, он сравнил легендарные походы польского короля XI века Болеслава на Киев с походом Наполеона на Москву, отметив при этом, что «меч Наполеона является более чудотворным, чем сабля Болеслава, ибо поход от берегов Буга на Киев не идет ни в какое сравнение с удивительным продвижением легионов Франции к берегам Дюны, Борисфена и Москве». Леклерк акцентировал цивилизационный характер войны 1812 года, считая, что «в отличие от столкновения Польши и России, оспаривавших несколько пограничных

---

³⁹ AD. MR. Russie. Vol. 26. F. 173–174. [Note sur quelques ouvrages relatifs à la Russie, 19 septembre 1812].

⁴⁰ JE. Lundi 23 novembre 1812. P. 1. [Empire Français, Paris, 22 novembre].

⁴¹ Montgaillard J.-G. Seconde guerre de Pologne ou Considération sur la paix publique du continent et sur l'indépendance maritime de l'Europe. Paris: Lenoir, 1812. P. 6; Боршак І. Жан Монгайяр, пропагандист Наполеона, про «російське питання» (1805–1812) // Україна: Українознавство та французьке культурне життя. Ч. 8. Париж, 1952. С. 644.

провинций, вся цивилизованная Европа отталкивает в скифские пустыни силу, чуждую нашим обычаям, законам и интересам»⁴².

Чтобы убедить общественное мнение в том, что идея похода в Россию пользуется популярностью во всех европейских странах, даже в тех, которые долгое время были противниками усиления роли Франции на международной арене, правительство Наполеона прибегло к публикации мнений иностранцев, указывавших на культурную чуждость россиян Европе, историческое единство западной цивилизации и стержневую роль, принадлежавшую в этом единстве Франции. В такой стилистике было составлено, например, сочинение австрийца Й. Г. Видеманна:

В то время, когда запад Европы уже был озарен немеркнувшей славой, Север еще был погружен во мрак варварства; когда Франция, Испания, Италия и Германия уже устремились в тот род занятий, в котором знаменитые государства античности снискали себе столь почетные лавры, имя московских царей приобрело известность лишь среди немногих приграничных народов; и тогда, когда Франция, благодаря привлекательности своей цивилизации, мудрости своих законов послужила образцом для соседей, русские еще находились в подчинении крымским татарам и платили им постыдную дань⁴³.

Примечательно, что наполеоновская пропаганда использовала для своих целей даже тексты, позаимствованные из прессы Великобритании. Например, в одном из номеров «Журналь де л'Амбир» была перепечатана рецензия из оппозиционной по отношению к правящему кабинету «Эдинбург ревю» на дневник путешествия в Россию Э. Д. Кларка. Констатируя, что многие европейцы были обмануты в России «внешним налетом цивилизации», эта рецензия превозносила мнение английского ученого, увидевшего за фасадом «столицы больше азиатской, чем европейской страны», «нескольких украшений, разбросанных то там, то тут, и маскирующих в глазах наблюдателей» «черты варварства, оставившие отпечаток на всей российской администрации». Вывод публикации являлся следующим: «Россия все еще остается варварской и полностью неспособной играть полезную роль в европейских делах»⁴⁴.

Идею военного столкновения между цивилизациями популяризировали не только во Франции, но и в государствах Рейнской конфедерации,

---

⁴² JE. Samedi 21 novembre 1812. P. 1. [Empire français, Paris, 20 novembre].

⁴³ Widemann [J. G.] (de Vienne en Autriche). Les océanocrates et leurs partisans et la guerre avec la Russie en 1812. Paris: Firmin Didot, 1812. P. 1.

⁴⁴ JE. Mercredi 16 septembre 1812. P. 1–2. [Nouvelles étrangères, Angleterre, Londres, 25 août]; Clarke E. D. Travels in Russia, Tartary and Turkey. 4th edition. Edinburgh: W. and R. Chambers, 1839. P. 9. Первое издание сочинения Кларка увидело свет в 1810 г.

Варшавском герцогстве и даже в Пруссии. Например, выступив после торжественной мессы в день тезоименитства императора французов, 15 августа 1812 года, перед прихожанами католического собора города Эльблонга, интендант Восточной Пруссии Б. Леборнь де Буань заявил, что

от Иллирийских окраин до берегов Тибра и берегов Сены, от Тахо до Двины и Борисфена, от Эгейского до Балтийского моря, на этой огромной протяженности стран, из которых состоит Империя цивилизации, ремесел и науки, все нации, которые составляют ее части, все властелины, которые правят ими, объединенные общими интересами и чувствами восхищения и любви, празднуют сегодня день рождения великого императора французов и короля Италии [...] Пересекая сегодня другие европейские государства, над которыми воцарились вместе с Францией единение и согласие, и сравнивая сегодняшнее состояние империи с существовавшим 12 лет назад, находишь, что все ее враги стали либо близкими друзьями, либо самыми преданными союзниками Его Величества, который сегодня сражается под своими орлами против Англии и России, единственных оставшихся врагов [...] Нет, это даже не армия, это вся цивилизованная Европа, создающая многие армии, как поток спешит и течет на север, чтобы остановить вынашиваемые на протяжении столетия амбициозные проекты России, имеющие целью захват счастливых провинций, в которых обитаем мы⁴⁵.

В конце 1812 года «Журнал де л'Ампи» утверждала, что поляки верят в «освобождение из-под ига московитов», поскольку во всем мире нет силы, способной противостоять «конфедерации восьмидесяти миллионов европейцев»:

Пруссия, Саксония, Мекленбург, Франция, Италия, Польша, Бавария и вся Рейнская конфедерация, объединенные в одну политическую систему, являют собой такую массу ресурсов подобного рода, что нужны лишь небольшие усилия, чтобы изыскать все необходимые средства для проведения решающих операций против общего врага⁴⁶.

Фактически это утверждение повторяло тезис созданной с согласия Наполеона Генеральной конфедерации Польского королевства о том, что «польский народ хочет быть ведомым монархом, который [...] находится во главе всех сил Европы»⁴⁷.

---

⁴⁵ Leborgne de Boigne B. Discours prononcé à l'église catholique d'Elbling le 15 août 1812, anniversaire de la naissance de S. M. l'Empereur des Français, roi d'Italie, commandant en personne de sa Grande Armée. Elbling: Hartmann, 1812. P. 3–5, 13.

⁴⁶ JE. Samedi 19 décembre 1812. P. 1. [Lituanie, Wilna, 5 décembre].

⁴⁷ AD. CP. Pologne. Supplément. Vol. 17. F. 298. [Acte de la Confédération, 20 juin 1812].

Содержание и эмоциональная тональность цитируемых текстов, хронологические рамки возникновения которых охватывают, в основном, периоды кампаний 1806–1807 и 1812 годов (что само по себе указывает на обусловленную международной конъюнктурой идеологическую подоплеку их основных положений), позволяют принять в качестве рабочей гипотезы предположение, что их появление было обусловлено насущной для Наполеона необходимостью найти достаточно веское идейное основание для упрочнения и расширения Великой империи. *Согласно замыслу Наполеона, такой объединяющей для западного мира идеей должна была стать война с Россией.* Именно таким образом понимали намерения императора его современники. В частности, анонимный автор изданного в марте 1813 года в Пруссии памфлета указывал, что император французов распространял по всей Европе призывы к упрочению военно-политической солидарности, основанной на общности культурных корней и моральных ценностей, преследуя двойную цель: он стремился убедить население подвластных ему государств в справедливом и, ввиду этого, — заведомо успешном характере войны с Россией, а также намеревался запугать противника картиной якобы поднявшейся против него всей западной цивилизации:

Наполеон громогласно заявил, что падение России предопределено неизбежным роком, и ввиду этого предназначение избрало его для осуществления сего оракула и изгнания этих северных варваров, заклятых врагов европейской цивилизации в азиатские степи. Его слава, сопутствующее повсеместно счастье, многочисленная и ободренная надеждой на успех армия, придавали каждому слову, исходившему из его уст, полную видимость пророчества, которое обязаны подтвердить события. Сии отважные речи преследовали цель заранее напугать врагов, которых он намеревался атаковать. Также осуществлялось внушение на тех, мнением и поддержкой которых он имел интерес заручиться⁴⁸.

Тиражируемый официальной пропагандой образ триумфальной войны «цивилизованного» Запада против «варварской» России оказал возбуждающее воздействие на умонастроения, причем не только во Франции, но и Германии, Италии, Польше⁴⁹.

Мысль о действенном участии в невиданном доселе предприятии исторического масштаба импонировала в первую очередь молодым людям, жаждущим острых впечатлений, славы и легкой добычи. «Вот наконец

---

⁴⁸ SHD. MR. M 1. Carton 676. F. 1. [Manuscrit trouvé dans les papiers de M. le maréchal Augereau, duc de Castiglione]; AN. Série «AF IV» [le Premier Empire]. Carton 1699. Dossier 8: Relations extérieures 1812. [Pamphlet allemand sur la retraite des Français de la Russie, 24 mars 1813].

⁴⁹ Замойский А. 1812. Фатальный марш на Москву. Пер. с англ. А. Колин. Москва: Эксмо, 2013. С. 53.

большая война, настолько большая, что я не мог даже мечтать!»⁵⁰ — выразил мысли всего своего поколения юный участник русского похода. Как казалось, кампания 1812 года обещала стать увлекательной охотой на «северных медведей»⁵¹. Не удивительно, что описывая атмосферу, царившую среди военной молодежи накануне объявленного похода, Э. Лабом не отделял свои мечты от характерных для общественного дискурса грез о столкновении цивилизаций:

По-правде говоря, наши предыдущие завоевания вот уже на протяжении нескольких лет приучили Европу предрекать неизбежный успех нашим планам наиболее грандиозных и неожиданных кампаний. Но изо всех походов, ни один не обещал вознести на настолько высокий уровень видимого величия наши души, жаждущие чудесных подвигов, ни один не мог в полной мере приблизить наши труды к почитаемым необычными деяниям персов, греков и римлян, как этот, вследствие сложности планируемого предприятия. Расстояние от Парижа до Москвы, почти равное тому, которое отделяло столицу Александра от столицы Дария; природа мест и климата, казавшихся недоступными для европейских армий; воспоминания о Карле XII, намеревавшегося осуществить подобный проект и не смогшего достичь даже Смоленска; испуг азиатских народов, ошеломленных увидеть в своем доме покоренные нами народы, все это вместе взятое обещало придать подвигам Великой армии чудесный вид, который напоминал самые удивительные походы античности [...] Вдохновляемое духом завоеваний, воображение заставляло нас вдыхать полной грудью новый воздух, несмотря на то, что едва ступив на противоположный берег [Немана] нам показалось, что дороги довольно плохи, леса мрачны, а села являют собой картину запустения⁵².

Читая эти строки, невольно понимаешь почему один из участников русского похода сетовал на «излишнюю живость воображения французов во всем, что касалось войны»⁵³. Сцены блестящих побед, рисуемые воображением многих подданных Наполеона, опиралась главным образом на позаимствованные эпохой Просвещения из античной и средневековой литературы топосы о противостоянии «цивилизованного» и «варварского» миров. В системе пространственных координат, заданной еще Римской империей, первый отождествлялся с процветающим «Югом», второй —

---

⁵⁰ Girard J. L'enfant de troupe. Souvenirs écrits sous la dictée d'un vieil invalide. Tours: A. Mame, 1858. P. 169.

⁵¹ Fain A.-J. Manuscrit de mille huit cent douze, contenant le précis des événements de cette année pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon. T. 1. Paris: Delaunay, 1827. P. 45.

⁵² Labaume E. Relation complète de la campagne de Russie, en 1812. P. 222, 33.

⁵³ Faure R. Souvenirs du Nord, ou la guerre, la Russie, et les Russes ou l'esclavage. Paris: Pelicier — Mongie, 1821. P. 30.

с отсталым «Севером»⁵⁴. Еще одной, менее явной тенденцией, ментально-картографирования конфликта с Россией являлась его ориентализация, то есть экстраполяция на современные события древнегреческих или западнохристианских топосов противостояния с восточными «варварами». В стиле «нового эллинизма», участники кампании 1812 года сравнивали Наполеона с Александром Македонским, а его предприятие — с походом последнего в Азию. Императора французов часто сопоставляли с «царем царей» — Агамемноном, а русский поход — с войной против Трои (как оказалось впоследствии, в такую объяснительную схему удобно вписались сцены московского пожара, который, впрочем, отождествляли также с концом Карфагена)⁵⁵. В реинтерпретации классических литературных сюжетов искали ключ к объяснению происходившего воображение самого Наполеона: в Москве он с увлечением погрузился в чтение «Митридата» Ж.-Б. Расина, сравнивая своего соперника Александра I с «побежденным и бежавшим», но все еще надеющимся завоевать Рим, понтийским царем⁵⁶.

Но стоило лишь ненадолго очнуться от этого эпического наваждения, как уверенность в победе сменялась смутным ощущением тревоги. Идея столкновения цивилизаций вызвала скепсис у дипломатов⁵⁷, она не пришлась по вкусу и многим опытным военным. Раздраженный навязчивой пропагандой войны против России, А.-О.-Ф. Пьон де Лош ничуть

---

⁵⁴ В начале XIX в. понятие «Северная Европа» подразумевало совокупность всех стран, расположенных к северу от Черного моря и Дуная и к востоку от Эльбы и Вислы. (Колесник И. И. Ментальне картографування та професія історика: Між раціональним й уявленим // УІЖ. 2012. № 5. С. 146). Примечательно, что война 1812 г. воспринималась современниками главным образом в рамках этой системы воображения о пространстве, чему немало поспособствовала суровость условий русской кампании. Например, в своем дневнике Д.-П. де Ла Флиз характеризует Смоленск как город, расположенный «близко к [северному] полюсу». (Ла Флиз Д.-П., де. Поход Наполеона в Россию в 1812 году. Пер. с фр. Москва: Образование, 1912. С. 25). Э.Лабом обвинял Север в желании «возобновить жестокие войны Средневековья» с целью захватить богатства, уничтожить гражданское общество, науки и ремесла Юга. (Labaume E. Relation complète de la campagne de Russie, en 1812. P. 47). Частичная перекомпоновка пространственного концепта «Юг» vs «Север» на «Запад» vs «Восток» явственно присутствует в воспоминаниях, созданных спустя годы после русского похода, но даже в этом случае две упомянутые ментально-картографические системы соседствуют как синонимические.

⁵⁵ Las-Casès E., de. Mémorial de Sainte-Hélène. T. 5. P. 396; Rambuteau C.-Ph. Mémoires / Publ. par G. Lequin. Paris: Calmann-Lévy, 1905. P. 87; Labaume E. Relation complète de la campagne de Russie, en 1812. P. 18, 248; Kerckhove J. R. L. Histoire des maladies observées à la Grande Armée française pendant les campagnes de Russie en 1812 et d'Allemagne en 1813. 3ème édition. Anvers: T. J. Jansens, 1836. P. 8, 55, 95.

⁵⁶ 1812. La guerre de Russie: Notes et documents / Publ. par A. Chuquet. Paris: Fontemoing et Cie, 1912. T. 2. Doc. № 32. P. 96. [Les lectures de Napoléon].

⁵⁷ Caulaincourt A.-A., de. Mémoires. T. 1. P. 293, 319–320; Vandal A. Napoléon et Alexandre Ier: L'Alliance russe sous le Premier Empire. T. 3. Paris: E. Plon, 1893. P. 189; Pradt D. Histoire de l'ambassade dans le Grand Duché de Varsovie en 1812. Paris: Pillet, 1815. P. 72.

не поверил, что «день святого Наполеона (15 августа. — В. А.) мы отпразднуем в Санкт-Петербурге»⁵⁸. Вюртембуржец К. фон Зуков вспоминал о том, как его полковник высмеял самонадеянного су-офицера, который заявил, что поход в Россию не более затруднителен для него, чем поедание бутерброда⁵⁹. «Только не на Север» (*nur nicht nach Norden*) — саркастическим тоном ответил лейтенант 6-го полка императорских шволежеров Й. Л. Хенкенс на вопрос немецкого обывателя, поинтересовавшегося, что означают четыре вензеля N[apoléon], изображенные на французских ножах⁶⁰. В итоге, пафосная риторика воззваний Наполеона о войне с «врагом цивилизации» не смогла обмануть десятков немцев, испанцев, португальцев, которые вняли русским прокламациям и на протяжении июля 1812 года дезертировали из Великой армии, перейдя на сторону противника⁶¹. Хорватские военнослужащие, сдавшиеся в плен в начале похода, заявили, что армия Наполеона есть «ничто иное, как смесь различных наций, а потому мнения и желания их неодинаковы», сами же они «чувствуют сильную антипатию к французам»⁶².

Что касается самих французов, то большинство негативных отзывов об идее войны с Россией прозвучали с их стороны уже после ее трагического завершения. Особенно критичны были те участники похода, которые вынужденно провели долгое время в плену. Так, офицер интендантской службы Великой армии Л.-Г. де Пюибюск, записки которого содержат обычное для французских текстов понятийное поле — «цивилизованная Европа», «жители Юга», «варварский Север» — считал, что столкновение с последним изначально было лишено здравого смысла:

Какой же фатум мог свергнуть нас в эту русскую войну, благодаря которой мы оказались на краю Европы? Были ли это мания завоеваний, приступ гордыни и неутолимая жажда господства, заставившие нас льстить себя надеждой подчинить неприхотливый, крепкий и привыкший довольствоваться лишь самым необходимым, чуждый нашим обычаям, на-

---

⁵⁸ Pion des Loches A.-A.-F. *Mes campagnes, 1792–1815. Notes et correspondance du colonel d'artillerie / Notice biographique par L. Pingaud.* Paris: Firmin-Didot, 1889. P. 270.

⁵⁹ Suckow K., von. *D'Iéna à Moscou. Fragments de ma vie.* Paris: E. Plon, 1901. P. 137–138.

⁶⁰ Henckens J. L. *Mémoires se rapportant à son service militaire au 6e régiment de chasseurs à cheval français de février 1803 à août 1816 / Publ. par E. F. C. A. Henckens.* La Hay: Nijhoff, 1910. P. 115.

⁶¹ Документы: Межархивный указатель. [Рапорт рижского военного губернатора И. Н. Эссена военному министру генералу от инфантерии М. Б. Барклаю де Толли, 13 (25) июля 1812 г.]; Там же. [Предписание управляющего Военным министерством генерал-лейтенанта А. И. Горчакова Комиссариатскому департаменту об отпуске амуниции для формируемого легиона из вольноопределяющихся и дезертирующих немцев, 22 июля (3 августа) 1812 г.].

⁶² Двенадцатый год. Док. № 66. Приложение. С. 59. [Показания пленных Я. Брадареца и Э. Тадича, 28 июля (9 августа) 1812 г.].

шему языку, не познавший соблазнов свободы, которой он не понимает, рассредоточенный на земле самой обширной в Европе империи народ?⁶³

Поскольку пребывание в плену вносило серьезные и порой необратимые коррективы в распространенные в Великой армии представления о России⁶⁴, наибольший интерес для исследователя идеи столкновения между цивилизациями, все же представляют повествования участников похода, попавших в плен уже после их написания, либо успешно осуществившим отступление⁶⁵. Например, лейтенант 11-го полка легкой пехоты Д. Л. А. Вентурини не без удовольствия отметил в походных записках, что французская артиллерия под Полоцком «открыла адский огонь по этим варварам»⁶⁶. Весной 1813 года, излагая в письме из Магдебурга родственникам превратности собственного пребывания в России, артиллерийский офицер Ж.-М.-М. Прево выражал стойкую «надежду изгнать северных варваров»⁶⁷. В одном из писем 1812 года офицер интендантской службы Великой армии М.-А. Бейль, много читавший классиков Просвещения и разделявший их систему ценностей, сравнил Россию с «варварским океаном, в котором все является грубым, грязным, вонючим, как в физическом, так и моральном отношении»⁶⁸. В другом письме он признался, что «ни один звук в этом варварском океане

---

⁶³ P[uiibusque L.-G.]. *Lettres sur la guerre de Russie en 1812, sur la ville de Saint Pétersbourg, les mœurs et les usages des habitants de la Russie et de la Pologne*. Paris: Magimel, Anselin et Pochard, 1816. P. 57.

⁶⁴ Отправляясь в русский поход, баварский капрал Бюттнер «преисполнился истинной радостью и жгучим желанием сражаться за Бога, короля и отчизну» (Büttner. *Beschreibung der Schicksale und leiden des ehemaligen Korporals, während seiner 19 monatlichen Gefangenschaft in Rußland, in den Jahren 1812 und 1813*. Nennsling: Zu haben bei dem Verfasser, 1828. S. 1), но вскоре был отрезвлен повседневной реальностью и тяжкими испытаниями плена. (см.: Hagemann K. *Revisiting Prussia's wars against Napoleon: History, culture and memory*. New York (NY): Cambridge university press, 2015. P. 314). Его соратник, капрал Й. Шрафель, общаясь со своими конвоирами, вскоре осознал, «сколько огромна разница между благородной душой этих, с плоским носом, большими ушами, маленьких, лысых башкир и жестокой, бесчувственной душой хорошо образованных русских». (Schrafel J. *Merkwürdige Schicksale des eines Feldwebels in der Jahren 1812–1814*. (Nürnberg, 1834) // <http://www.lexikus.de/bibliothek/Joseph-Schrafe>).

⁶⁵ Согласно классификации, предложенной для литературы мемуарного характера М. Губиной, наибольший интерес для нас представляют так называемые «ранние» тексты, в отличие от текстов «поздних», созданных по прошествии весьма значительного времени. (Губина М. В. *Эволюция взаимного восприятия противников (по документам личного происхождения французских и русских авторов) // Наполеоновские войны на ментальных картах Европы*. С. 44).

⁶⁶ Venturini G. L. A. *Carnet d'un Italien au service de France (1803–1815)* / Publ. par G. Cottreau // *Nouvelle revue rétrospective*. Paris, janvier – juin 1904. P. 228.

⁶⁷ Prévost J.-M.-M. *Un épisode de la retraite de la Russie (1812): Lettre d'un officier d'artillerie, Magdebourg, 24 mars 1813* / Communication de G. Bertin // *Sabretache*. Vol. 9. Paris, 1901. P. 58.

⁶⁸ Французский историк Ж. Морван извлек эту фразу из контекста цитируемого письма и ошибочно интерпретировал ее как критический отзыв будущего знаменитого писателя

не созвучен с его душой», очарованной высоким искусством и архитектурой Италии⁶⁹. Даже не пытаясь изучать культуру России, «отталкивающую его своею грубостью», Бейль, подобно паучку в маленьком пузырьке воздуха под поверхностью воды, сознательно избегал окружавшей его действительности: практически все свободное время он заполнял музицированием, чтением сочинений западных философов, литераторов, искусствоведов, составлением писем к друзьям и родственникам во Франции⁷⁰.

Но даже среди свидетелей, оставшихся до конца русского похода в западной социокультурной среде, которой являлась Великая армия, оказались люди, скептически настроенные к бонапартистской идее войны европейской «цивилизации» против русского «варварства». К инверсии привычных для Просвещения социокультурных смыслов они обратились, однако, уже после падения режима Наполеона. В своих мемуарах сторонник королевской династии Бурбонов А.-О.-А. Май-Нель сожалеет, что представители «наиболее цивилизованной нации Европы», которой считали себя французы, «подобно дикой орде оказались среди совсем чужого их национальным интересам народа, неизведанного в своем гневе, в пятистах лье от своей территории, под руководством мало вдохновляющего человека, вызывавшего ненависть у всех европейских наций, презиравших его и опасавшихся усиления его могущества»⁷¹. В воспоминаниях, написанных в посленаполеоновскую эпоху на основе дневниковых записей, Ж.-Н.-О. Ноэль называет истинной причиной войны отнюдь не защиту цивилизации от варварства, но авантюрную страсть Наполеона к завоеваниям⁷².

Ввиду наличия в нарративах участников похода смысловых неоднозначностей, интеллектуальная модель военного столкновения между Западом и Россией, как, впрочем, и любая научная проблема, имеющая отношение к истории идей, предполагает исследование не только процесса ее социального создания, но и дисперсии, то есть восприятия / отрицания обществом. Согласно удачной метафоре К. Кребса, идеи способом своего воздействия на общество напоминают вирусы⁷³. Для распространения идей-«вирусов»

Стендаля о Великой армии: Morvan J. *Le soldat impérial (1800–1814)*. Paris: E. Plon, 1904. Т. 2. P. 187.

⁶⁹ Stendhal. *Correspondance* / Publ. par H. Martineau. Т. 4 (1812–1816). Paris: Le Divan, 1934. Doc. № 452. P. 64. [A F. Faure, Smolensk, 24 août 1812].

⁷⁰ Ibid. Doc. № 453. P. 67–70. [A F. Faure, Moscou, 2 octobre 1812].

⁷¹ [Mailly-Nesle A.-A.]. *Mon journal de la campagne de Russie, écrit de mémoire après mon retour à Paris*. Paris: Gros, 1841. P. 44.

⁷² Noël J.-N.-A. *Souvenirs militaires d'un officier du Premier Empire* / Publ. par L. Noël // Sabretache. Vol. 3. Paris, 1895. P. 438.

⁷³ Krebs K. B. *A Most dangerous Book: Tacitus's Germania from the Roman Empire to the Third Reich*. New York (NY); London: Norton, 2011. P. 23.

должно сформироваться благоприятствующее социальное умонастроение. А наилучшим условием для его возникновения является заинтересованность власти в распространении определенных стереотипов мышления, рассматривающихся в качестве могущественного средства социальной мобилизации. Не случайно, что сформулированная в виде готового к употреблению стереотипа идея (*prêt à penser*) столкновения между цивилизациями приобрела конкретные текстуальные формы во Франции лишь в эпоху Наполеона, авторитет которого в обществе зиждился в первую очередь на репутации успешного военного вождя. Именно ввиду милитарного направления общественной жизни, идеи также приобрели соответствующий воинственный вид.

Для описания русской кампании в категориях столкновения между цивилизациями, современникам было необходимо абстрагироваться от обыденного мироощущения и перейти границу вымышленной реальности. Неизменно присутствующая в западном социокультурном дискурсе со времен «Германии» Тацита и, впоследствии, «Песни о Роланде», героика военного похода против культурно чуждого противника приобрела ярко выраженную форму литературного нарратива и во времена Наполеона. Характерная для поэтического тропа способность вызывать у реципиентов ощущение воображаемого присутствия при событиях эпического масштаба, сближала тексты о конфликте западной и русской цивилизаций с художественными произведениями, в большей или меньшей степени утрировавшими черты реальной жизни⁷⁴. Ярким примером является стих некоего П. Шанена «На восстановление Польши», сочиненный в июле 1812 года, по получении во Франции известия о начале русского похода Наполеона:

А ты, несчастная Польша, [...] /
Ты ведь долгое время являлась /
Преградой для северных народов;
И часто смерть свою в твоих полях /
Встречал кровавый варвар-скиф.
Встань из пепла более могучей, чем прежде.
Будь крепостной стеной цивилизованного континента⁷⁵.

Почти одновременно профессор находившегося на другом конце континента виленского университета Ю. Словацкий охарактеризовал

---

⁷⁴ Rancière J. Les mots de l'Histoire: Essais de poétique du savoir. Paris: Seuil, 1992. 215 p.; Ricoeur P. Temps et récit. T. 1. Paris: Seuil, 1983. 322 p.

⁷⁵ Et toi, Pologne infortunée, [...] / Tu fus longtemps une barrière / Contre les barbares du Nord; / Souvent le Scythe sanguinaire / Dans tes champs vint trouver la mort: / Renais encore plus redoutable. / Sois le rempart insurmontable / Du continent civilisé. (Chanin P. Poème sur la campagne de Russie, par les armées réunies de France et d'Allemagne; sur la prise de Smolensk, la bataille de Moskova et l'entrée à Moscou en 1812. Versailles: J.-P. Jacob, 1812. P. 5–6.)

поэтическим слогом войну 1812 года как столкновение «владыки Европы» с «детьми Севера, ввергшими Польшу в пучину несправедливости»⁷⁶. Отметим также удивительное смысловое тождество этих сочинений с пропагандистскими передовицами французской прессы:

Если ослепленная Россия упорствует в своем стремлении играть роль английского вассала, подобно азиатским державам, необходимо, по крайней мере, соорудить между цивилизацией и варварством, между свободной Европой и Европой, ставшей колонией лондонских торгашей, непреодолимую стену в виде древнего и славного Польского королевства⁷⁷.

Как видим, авторам текстов о столкновении западной цивилизации с Россией было вовсе не обязательным присутствовать в гуще военных событий или глубоко вникать в предысторию конфликта, — достаточно было настроиться на заранее определенную идейную тональность и избрать свойственную ей вербальную форму, что означало, между прочим, разговаривать с политической властью на общем языке смыслов, выказывать согласие с ее курсом и формировать таким образом «сети идейной солидарности». В свою очередь, «степень сетевой привлекательности, ощущаемой индивидами, детерминировала выбор ими лингвистических актов», т. е. подходящих для желаемого ими типа группового членства слов, фраз, типа речи⁷⁸. Вступая между собой в эмоционально-идейный резонанс, эти лингвистические стратегии ткали единый дискурсивный континуум. Постоянное обращение авторов текстов эпохи 1812 года к таким базовым для социокультурного мироощущения понятиям, как «цивилизация» и «варварство», «Юг» и «Север», «Запад» и «Восток», «Европа» и «Азия», порождает соблазн увидеть в них фактическое подтверждение тезиса Хантингтона о реально произошедшем столкновении европейской и чуждой ей культур. Обилие в этих текстах глаголов с частицей ге- («от-»), таких как *gerousser* («оттолкнуть»), *rejeter* («отбросить») или *gesserger* («отодвинуть»), также может подсказать историку поспешный вывод о том, что в 1812 году воображение французского политического света пленила мысль о цивилизационном характере столкновения с Россией. Недавно М.-П. Рей отметила, что «вопреки доброй воле Александра Первого, стремившегося вслед за своей бабкой Екатериной Второй утвердить европейский характер своей империи, взгляд Наполеона, и не его одного, настаивал на понимании императорской России как едва цивили-

⁷⁶ Акты. Т. 1. С. 267. [Пребывание Наполеона в Вильне, 10 июля 1812 г.].

⁷⁷ JE. Dimanche 6 décembre 1812. P. 3. [Empire Français, Paris, 5 décembre].

⁷⁸ Collins R. The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Cambridge (MA): University Press, 1998. 1100 p. Ссылка дается по русскому изданию книги: Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Пер. с англ. Н. Розова, Ю. Виртгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 102.

зованной страны, которую он, чего бы это ему ни стоило, оттолкнет на периферию европейского континента»⁷⁹.

И все же преждевременно отождествлять информацию источников с историческим фактом, пока не распутаны нити дискурсивной ткани, т. е. не устранены лингвистические каноны, общепринятые в создавшей тексты социокультурной среде. Деконструкция общественно-обязующей составляющей суждений авторов эпохи 1812 года необходима для того, чтобы за стереотипными фразами о чужих мирах, которым навсегда суждено оставаться непонятными и враждебными, увидеть противника, которому, несмотря на различия культурного плана, ничто человеческое не чуждо.

В июле 1812 года в одном немецком периодическом издании было опубликовано исследование «О русском солдате и способах поведения всей его нации в целом по сравнению с французами»⁸⁰. Автор этого этнопсихологического экскурса весьма остроумно показал, что несмотря на различия в вере, языке и общественном устройстве, противники были похожи как близнецы-братья в том, что касается храбрости, готовности жертвовать собою ради общего блага или других людей, вежливости, а также целом ряде других качеств, не наблюдавшихся столь отчетливо, по его мнению, среди других европейских народов. Например, говоря об обходительности французов, как неотъемлемом качестве их национально-го характера, аналитик счел россиян не менее внимательными при общении с незнакомцами или чужеземцами, однако нашел тому несколько иную причину, а именно цивилизующее влияние «некоего религиозного чувства». Интересно, что автор, характеризуя психические реакции русских, описывает наблюдавшийся им самим случай самоотверженного и бескорыстного спасения случайным крестьянином провалившегося под невский лед иностранца.

Несмотря на то, что «историю пишут победители», даже в их повествованиях иногда можно заметить под маской «французского зверя» черты человеческого облика противника. Так, в составленном в 1817 году по указанию министра внутренних дел отчете московского архиепископа А. Виноградского о произошедшем в московских монастырях в период оккупации, посреди лубочных картинок святотатств «безбожного» воинства Наполеона обнаруживаем рассказ о похожем как две капли воды на вышеизложенный сюжет поступке безвестного французского кавалериста, рискнувшего жизнью ради спасения инокини монастыря Непорочного зачатия Назареты, которая, при виде приближающих-

---

⁷⁹ Rey M.-P. L'effroyable tragédie: une nouvelle histoire de la campagne de Russie. P. 25.

⁸⁰ См. перевод, сделанный во Франции: AN. AF IV. Carton 1696. Dossier 6: la Russie 1809–1812. [Sur le militaire russe et les manières de toute la nation en générale en comparaison des Français (Verkündigen. № 146. 25 juillet 1812)].

ся вражеских всадников, не придумала ничего более «умного», чем броситься с моста в реку⁸¹.

Следовательно, важнейшей научной проблемой является определение соотношения между идеологической и эмпирической составляющей текстов современников о войне 1812 года. Следы влияния общественного дискурса на индивидуальный уровень сознания весьма заметны в автобиографических и исторических сочинениях чинов Великой армии, особенно же в текстах, написанных французами. Ярким примером является оказавшее существенное влияние на развитие историографии войны 1812 года сочинение императорского адъютанта Ф.-П. де Сегюра⁸². С одной стороны, Сегюр-очевидец весьма скептичен в оценке действенности идеи сплочения Великой империи при помощи создания образа России как врага западной культуры. Он пишет, что «с нашей стороны эта война не была европейской», «Европа пошла воевать, скрепя сердце, поскольку целью этого похода было присоединение к силам того, кто ее завоевал», то есть Наполеона. Но с другой стороны, Сегюр-идейный продукт своего социального окружения целиком помещает свое повествование в трафарет цивилизационного противостояния Запада и России:

С некой высоты, на которую он вознес трон юга и запада Европы, Наполеон наблюдал за северным тронном Александра, готовый в своем вечно угрожающем положении заявить претензии еще и на него. На этих заснеженных вершинах Европы, откуда некогда надвигались столько волн варваров, он увидел формирующимися признаки нового потопы. До этого времени Австрия и Пруссия являлись достаточными барьерами; но он сам либо низверг, либо ослабил их. Итак, он оставался единственным действительным защитником цивилизации, богатства и достижений народов Юга от коварных вождельных бедных народов Севера и от амбиций их императора и дворянства. Было очевидным, что только война могла разрешить эту великую и вечную борьбу бедности против богатства [...] Громадная подготовка, которой потребовало настолько отдаленное [от центров западной цивилизации] предприятие, огромные нагромождения припасов и амуниции, звуки оружия, повозок и шагов стольких солдат, это всеобщее, величественное и ужасное движение всех сил Запада против Востока, все объявляло Европе, что два колосса готовы померяться силой⁸³.

Ключем к расшифровке идейной подоплеку повествования Сегюра является конкретная социальная роль, исполняемая им во время описанных

---

⁸¹ Московские монастыри во время нашествия французов // РА. Г. 7. 1869. № 9. С. 1398.

⁸² Ségur Ph.-P., de. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. Paris: Baudouin frères, 1824. Т. 1–2. 422; 437 pp.

⁸³ Ségur Ph.-P., de. Un aide de campe de Napoléon. La campagne de Russie: Mémoires / Publ. par L. de Ségur. Paris: Firmin-Didot et Cie, 1895. P. 4–5.

событий, а также стойкие убеждения бонапартиста, побудившие его впоследствии создать хронику великих деяний императора в 1812 году⁸⁴. Поэтому при анализе высказываний современников о войне цивилизации и варварства важно учитывать не только общекультурную составляющую их повествования, некую ментальную основу, которая побуждала авторов автоматически прибегать к общепринятому в их кругах понятийному полю, но и степень приближенности и личного отношения к Наполеону, как лицу наиболее заинтересованному в запечатлении образа русского похода как столкновения цивилизаций.

Согласно оценке бывшего императора, сама природа закрыла европейцам доступ в эту страну, отгородив ее огромными и труднопреодолимыми из-за снегов расстояниями, создав климат, «делающий Россию недоступной нападению на протяжении трех четвертей года, в то время как русские могут угрожать Европе в любую пору года». «К этим физическим обстоятельствам, — сокрушался Наполеон, — следует добавить огромное население, храброе, выносливое, преданное, послушное властям, и многочисленные народности, естественным состоянием которых является материальная нищета и кочевой образ жизни»⁸⁵.

Высказанные экс-императором мысли о цивилизационном характере войны 1812 года ярки, динамичны, они вот уже два века будоражат воображение читателей, поэтому не удивительно, что впоследствии их охотно копировали как участники событий, так и историки, мало задумываясь над тем, в какой мере сказанное было правдой, а в какой — игрой на публику. Между тем, психологические мотивы такой повествовательной стратегии очевидны. Оправдывая поражение вмешательством сил естественного и общественного порядка, участники похода тем самым затушевывали собственные просчеты, равно как и успехи противника, делая их как бы несущественными, второстепенными.

В 1813 году один из чинов Великой армии описывал своему знакомому во Франции то, что произошло в России, следующим образом: «Чтобы составить себе представление о нашей печальной ситуации, перенеситесь своим воображением в это разочаровывающее место»⁸⁶. В подобных нарративных конструкциях Россия предстала не как реальное, а как скорее воображаемое место, подобное подземному царству Аида в эпическом описании Гомера. Впрочем, это обстоятельство не лишало рассказы участников русского похода доверия читателей-соотечественников, ибо «текст

---

⁸⁴ Tulard J. Les historiens de Napoléon. Sténogramme du cours à l'École Pratique des Hautes Etudes à Paris, 2003.

⁸⁵ Las-Casès E., de. Mémorial de Sainte-Hélène. Т. 7. P. III–II2.

⁸⁶ Prétet J. Relation de la campagne de Russie par un temoigne oculaire // La Revue Bourguignone de l'enseignement supérieure. Т. 3. Dijon; Paris: Lamarche — Pusseau, 1893. P. 440.

имеет способность создавать почти предметное бытие», а «реальность [часто] компенсируется текстом»⁸⁷.

Предпринятый мной анализ около ста пятидесяти классифицированных в каталоге Ж. Тюлара⁸⁸ дневников, записок, воспоминаний участников русского похода показал, что не более ста из этих нарративных конструкций основаны на личных впечатлениях авторов. Многие мемуаристы либо из рук вон плохо ориентировались в происходившем⁸⁹, либо лишились собственных дневниковых записей при отступлении из России⁹⁰, что, однако, не помешало им прибегнуть к помощи газет и сочинений историков.

Исследователь мемуаров, написанных во Франции в эпоху конституционной монархии (1815–1848), Д. Занон акцентирует внимание на том, что авторы того времени нередко стремились придать своим текстам свойства исторического романа⁹¹. Более того, некоторые воспоминания писались в качестве иллюстраций к идеологическим концепциям более позднего времени.

Эти обстоятельства неизбежно ставят вопрос о степени присутствия в текстуальных проекциях реальности, именуемых источниками, оценок социальной культуры противника, зависящих от внушенных заранее автоматизмов мышления или же, наоборот, последующих идеологических установок и эстетических канонов.

Ввиду этого, настоящим предметом моего исследования является не столько событийная реальность 1812 года, сколько помехи социокультурного характера, повлиявшие на ее дискурсивое отображение современниками.

Аргументом в пользу такого подхода является также то, что многие дневники и мемуары вообще не содержат отзывов о социальной культуре противника. Увиденное в западных и, даже, центральных губерниях России, французы воспринимали как продолжение пространства, расположенного к западу от ее рубежей и, кажется, вовсе не заметили цивилизационного «разрыва». По этому поводу прекрасно высказался один из участников русского похода:

---

⁸⁷ Лем С. *Философия случая*. Пер. с поль. Б. А. Старостин. Москва: Транзиткнига, 2005. С. 81, 96.

⁸⁸ Tulard J. *Bibliographie critique des mémoires sur le consulat et l'empire écrits et traduits en français*. Genève: Droz, 1971. 175 p.

⁸⁹ Scheltens H. *Souvenirs d'un grenadier de la Garde*. Paris: B. Giovanangeli, 2004. P. 78.

⁹⁰ Boyeldieu L.-L.; Test F.-A. *Souvenirs de deux généraux du Premier Empire*. Paris: F. Teissèdre, 1999. P. 89.

⁹¹ Zanone D. *Ecrire son temps. Les mémoires en France de 1815 à 1848*. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 2006. P. 304.

Путешественник, совершающий путешествие ради доставления себе приятного, — наблюдает. Уставший воин не наблюдает ничего, если то, что он видит, похоже на то, что он уже когда-либо видел⁹².

В своих письмах и путевых записках чины Великой армии нередко отмечали сходство увиденного в России с отдельными чертами родной социальной культуры.

Дивизионный генерал К.-Э. Гюйо, приятно удивленный «добротою построенной в кирпиче» Вильной, и вовсе отметил, что «архитектура [города] является французской»⁹³. Описывая в письме к отцу Вильну как «бриллиант среди дерьма», военный лекарь С. Блан упоминает не только мощеные улицы, регулярную застройку и дома из тесаного камня, но и такие признаки современной европейской культуры, как площадь для прогулок, «весьма приятные кофейни и хорошие рестораторы», а также голландского живописца, написавшего портрет французского офицера⁹⁴. Европейский комфорт литовской столицы, в частности — высокую культуру употребления кофе, отмечали и другие французские военные⁹⁵, явно истосковавшиеся по любимому колониальному продукту в условиях континентальной блокады.

Лишь живой, нешаблонный интерес очевидца к объектам местной социальной культуры, а отнюдь не степень его образованности, являлся тем критерием, который выделял его голос из хора общепринятых мнений. К последним, несомненно, принадлежало свидетельство другого медика Великой армии Й. Р. Л. Керкхова. Начав свое повествование с презрительного суждения Вольтера о Польше, он описал ту же Вильну как чуждый Европе город «с непрямыми, нерегулярно построенными улицами, главным образом деревянными жилищами, за исключением домов лиц, принадлежащих к высшему классу», где «подле великолепных строений виднеются хижины — настоящие пристанища нищеты, насекомых и грязных отбросов»⁹⁶. Те западные авторы, которые избрали идеологической рамкой для создания своих текстов т. н. «евроориентальную» нарративную

---

⁹² Boulart J.-F. *Mémoires militaires sur les guerres de la République et de l'Empire*. Paris: Librairie illustrée, 1892. P. 240; Coste L. *Tereny polskie (Księstwo Warszawskie i wyzwolona Litwa) widziane oczyma żołnierzy Wielkiej Armii podczas ofensywy w lecie 1812 roku // Zeszyty naukowe uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace historyczne*. Vol. 140 (1). Kraków, 2012. S. 34.

⁹³ Guyot C.-E. *Carnets de campagnes (1792–1815) / Publ. par J.-H. de Font-Réaulx*. Paris: F. Teissèdre, 1999. P. 129.

⁹⁴ Blanc S. *De Paris à Vilna en 1812: l'aide-major pendant la campagne de Russie // Soldates de Révolutions et de l'Empire: Grognaards et héros de vingt ans / Publ. par Lort de Serignan*. Paris: Perrin, 1914. P. 241–242.

⁹⁵ Briedis L. *Vilnius. City of Strangers*. Vilnius: Baltos lankos, 2008. P. 108.

⁹⁶ Kerckhove J. R. L. *Histoire des maladies observées à la Grande Armée française*. P. II, 30–31.

модель⁹⁷, нарочито игнорировали черты «польского» или «русского» социокультурного пейзажей, которые идентифицировались ими как сама собой разумеющаяся норма, но зато готовы были кричать о любом отсутствии привычных для них вещей или явлений, как об отличии цивилизационного характера.

Согласимся с Н. Петито в том, что «следует внимательно перечитывать мемуаристов, неизвестных или знаменитых, следовало бы также отыскать точки их соприкосновения с данными архивов»⁹⁸. Изучение как ранее не публиковавшейся (из Национального архива, Архива Исторической службы сухопутных войск, Министерства иностранных дел Франции; Придворного, домашнего и государственного архива Австрии; Главного государственного архива Баварии; Литовского государственного исторического архива; Национального исторического архива Беларуси; Центрального государственного исторического архива Украины), так и изданной (в виде сборников документов, извлеченных из обширных архивных собраний) переписки участников и очевидцев похода, показало, что эта категория свидетельств оказалась наименее подверженной влиянию общественных условностей. Эпистолярные документы отображают эмпирический, сиюминутный уровень восприятия того, что происходило в России с их авторами.

Поэтому сведения, имеющие отношение к социокультурной истории военной кампании 1812 года, пришлось извлекать из военной переписки буквально по крупицам. Зато и следа этой сухости не встречаем в публицистике эпохи, перенасыщенной уничижительными отзывами о России и русских, что пробуждает подозрения относительно преднамеренного конструирования дискурса о войне с «врагом цивилизации». Это впечатление усилилось при изучении комплектов за 1812 год главных периодических изданий Франции — «Журналь де л'Амбир» и «Монитор Юниверсель», а также изданных при финансовой поддержке французского правительства сочинений о России географического и исторического характера.

Провести смысловую границу между двумя пластами свидетельств, а именно — навязанного автору дискурсивной властью государства и общества, и основанного на его личном опыте очевидца, — весьма нелегкая задача, поскольку тесно соседствуя и взаимно проникая в себя, эти составляющие зачастую едва различимы. Насколько существенно повлияла на мировоззрение участников похода в Россию идеологическая составляющая

---

⁹⁷ Adamovsky E. Euro-Orientalism and Making of the Concepts of Eastern Europe in France, 1810–1880 // The Journal of Modern History. Vol. 77. Chicago (IL), 2005. P. 59.

⁹⁸ Petiteau N. La campagne de Russie de 1812: Mythes et réalités // Revue des études slaves. Vol. 83. Paris. 2012. № 4. P. 1047.

общественного дискурса, можем судить даже по свидетельствам, отображающим их сиюминутные ощущения. 1 марта 1812 года капитан старой гвардии Л.-Ф. Фантен дез Одоар отметил в дневнике, что «вскоре наши орлы совершат полет в земли, название которых было едва известно нашим предкам». Его решимость покончить с «русским колоссом»⁹⁹ зафиксирована на четыре месяца раньше аналогичного высказывания Наполеона. Из этого, однако, не следует, что первое мнение стало причиной второго: единообразие мыслей императора и его подданного определялось общими идеями и теми ментальными рамками, в которых они функционировали.

Естественность, с которой идеология проникает в повествование очевидцев, заметна на примере походного дневника Л. Гардье, считавшего, что «несложно судить по разложению нравов людей легкого поведения и фанатизму крестьян насколько отсталой по сравнению с нашей является их цивилизация»¹⁰⁰. В вышеизложенном суждении автор обратился к литературному приему сведения к одному смысловому знаменателю нравственной распущенности дворянства и фанатичной религиозности крестьянства, нередко рассматривавшихся в просветительской и революционной системе взглядов в качестве однотипных признаков разложения (*corruption*) общества Старого порядка.

Не удивительно, что идеологические доминанты еще более ощутимы в более поздних текстах, созданных в назидание потомкам. В повествовании Сегюра в тех случаях, когда в качестве действующих лиц появляются россияне (на самом деле весьма «безликие», лишенные черт индивидуальности), его лексикон является следующим: «неравенство», «разложение», «москвиты», «варвары», «дикость». О насыщенности такого понятийного поля можем судить по тому, что вышеуказанный внушительный перечень социокультурных характеристик изложен всего на двух страницах текста¹⁰¹. Очевидно, что это поле отражает не столько повседневные впечатления участника похода, сколько мир идей, подменяющий собою реальность. Среди сюжетов, к которым охотно обращались западные авторы для обоснования тезиса о якобы произошедшем в 1812 году столкновении цивилизаций, особое место занимают повествования о стычках с казачьими, а также калмыцкими и башкирскими войсками¹⁰². Описывая

---

⁹⁹ Fantin des Odoards L.-F. Journal: Etapes d'un officier de la Grande Armée 1800–1830. Paris: E. Pion, 1895. P. 293.

¹⁰⁰ Gardier L. Un journal de la campagne de Russie en 1812 / Introduction et notes de A. Bernard. Paris: F. Teissèdre, 1999. P. 57–58.

¹⁰¹ Ségur Ph.-P., de. Un aide de campe de Napoléon. P. 165–167.

¹⁰² SHD. M 1. Vol. 677. F. 3. [De Laître, général. 1812 depuis le 28 novembre 1812]; SHD. Série «C 2» [la Grande Armée]. Carton 133. [Berthier à Ney, 2 novembre 1812]; Ibid. [Heyligers à Eugène Napoléon, 13 novembre 1812]; Ibid. [Schwarzenberg à Maret, 14 novembre 1812]; Ibid. [Junot à Berthier, 21 novembre

внешность и тактику последних, ветераны наполеоновских походов нередко прибегали к метафорическому отождествлению этих новых противников с наблюдаемыми ими в 1798 году в Египте мамелюками¹⁰³, чем, к удовольствию читающей публики, «обогащали» свое повествование ориентальными чертами. Этот литературный прием, состоявший в воображаемом соединении несовместимых в реальной жизни социальных особенностей таких различных стран, как Египет и Россия, вошел в официальные сообщения с легкой руки самого императора французов. В 29-м бюллетене Великой армии Наполеон, в частности, утверждал, что «казаки захватывают, как арабы в пустыне, оставшие повозки и экипажи»¹⁰⁴.

Иногда рассказ о русских «кочевниках» использовался для гиперболизированной экстраполяции черт локального явления на всю социальную культуру противника. Не случайно генерал-адъютант императора Ж. Рапп уничижительно именуется россиян то «казаками», то «калмыками», то «татарами»¹⁰⁵.

Иллюстрируя непреложное правило конструирования дискурсов — *назовите вещь, и вот она существует, если не в реальности, то, по крайней мере, в воображении реципиентов*, — литературный троп, замещающий фактическое положение вещей, служил для западного читателя доказательством неевропейского характера российской социальной культуры. Французские мемуаристы описывали Россию в дихотомическом ключе ориентального дискурса¹⁰⁶ и в других сюжетах, например, противопоставляя менее явной в либерально-буржуазном обществе визуализации социальных различий откровенные в своем внешнем проявлении контрасты между «азиатской» роскошью господских усадеб и «варварской» нищетой хижин, «весьма вежливыми и хорошо образованными» дворянами и зоморфными, «вылезаящими из нор (т. е. землянок. — В. А.), подобными рептилиям», «грязными почти как французские свиньи», крестьянами¹⁰⁷.

1812]; Chevalier J.-M. Souvenirs des guerres napoléoniennes / Publ. par J. Mistler et H. Michaud. Paris: Hachette, 1970. P. 186–187, 189; Guillemard R., de. Mémoires, suivis de documents historiques, la plupart inédits, de 1805 à 1823. Paris: Delafort – Bossange père – Baudouin, 1826. Т. 1. P. 233.

¹⁰³ AD. CP. Russie. Vol. 154. F. 58. [Baraguey d'Illiers à son épouse, de Elnia à Montigny, 31 octobre 1812].

¹⁰⁴ SHD. C2. Carton 134. [29e bulletin de la Grande Armée, 3 décembre 1812].

¹⁰⁵ Rapp J. Mémoires d'aide-de-camp de Napoléon, écrits par lui-même et publiés par sa famille. Paris: Frères Bossange, 1823. P. 198–199.

¹⁰⁶ Mitchell T. Orientalism and the Exhibitionary Order // Colonialism and Culture / Ed. N. Dirks. Minneapolis (MN): Minnesota University Press, 1992. P. 289.

¹⁰⁷ Dutheil-Lamothe A. Mémoires. Bruxelles: H. Lamertin, 1899. P. 40–41; Drujon de Beaulieu. Souvenirs d'un militaire pendant quelques années du règne de Napoléon Bonaparte. Belley: J.-B. Verpillon, 1831. P. 26; [Compans J.-D.] Notes de campagne et sa correspondance de 1812 à 1813 / Publ. par M. Ternaux-Compans. Paris: E. Plon – Nourrit, 1912. P. 161. [A son épouse, 27 juillet 1812]; Fain A.-J. Lettres

Они живут как дикие скоты, в нищенских хижинах, даже без дымохода. Дым безмятежно струится среди них [...] Но это еще ничего: мужчины, свиньи, женщины, коровы, собаки, — все это живет и спит вперемешку под одной кровлей, это по-настоящему чудесный спектакль!¹⁰⁸

Так, при помощи саркастического чередования упоминаний о людях и животных, описал увиденную им в 1812 году повседневную жизнь чужаков парижанин С. Блан. Но говорил он вовсе не о русских, а о... ганноверских немцах. Суждения подобного рода ставят под сомнение описания России как противостоящей Европе цивилизации, ибо сужают эту Европу в лучшем случае до «естественных границ» Франции, а в худшем — до города Парижа.

Не удивительно, что в нарративных стратегиях участников русского похода чрезвычайно важную роль играло описание социокультурного антипода Парижа — Москвы, как ориентального мегаполиса. Этот город, покинутый франкоязычной дворянской элитой, показался вюртембержцу Э. фон Баумбаху «больше азиатским, чем европейским» из-за традиционных одежд, бород и простонародного говора оставшихся москвичей¹⁰⁹. По мнению начальника инженерной службы французского Генерального штаба Ж. Пюнье де Монфора, русские города являли собою «смесь варварства и развитой цивилизации», однако «Москва была уже восточным городом», кварталы которого терялись среди огромных ненаселенных пространств¹¹⁰. По прошествии многих лет капитан В. Бертран вспоминал, что «этому большому городу, с его восточными строениями и многочисленными колокольнями, было чем потрясти воображение»¹¹¹. Ему вторил полковник Д. Риго, отмечавший, что «вид его позолоченных куполов, колоколен с греческими крестами, [...] наэлектризовал воображение армии»¹¹². Однако эти, да и многие другие мемуаристы умолчали о том, что ориентальный образ русского мегаполиса в значительной степени был позаимствован ими из официальных

---

inédites (1812—1815) // Revue de l'Institut Napoléon. № 1. Paris, 1961. P. 118. [A son épouse, 15 septembre 1812].

¹⁰⁸ Blanc S. De Paris à Vilna en 1812: l'aide-major pendant la campagne de Russie. P. 225.

¹⁰⁹ Baumbach E., von. Tagebuch von 1812. Nechtersheim: Eigenverlag, 1838. S. 123.

¹¹⁰ Puniet de Monfort J. Mémoires inédites: Aperçu de la campagne de Russie / Publiées par M. Roucaud // Revue historique des armées. № 267. Paris: SHD, 2012. P. 116.

¹¹¹ Bertrand V. Mémoires / Publ. par Chaland de la Guillauche. Angers: J. Siraudeau, 1909. P. 129; Petiteau N. La campagne de Russie de 1812. P. 1050.

¹¹² Rigeau D. Souvenirs des guerres de l'Empire. Paris: A. Poilleux, frères Garnier, 1846. P. 59. Глагол «électriser», являющийся синонимом выражения «произвести впечатление», распространился во французском языке лишь в 1840-е гг. под влиянием успешных опытов с электричеством: <http://www.cnrtl.fr/definition/électriser>. Это выдает позднюю идейную тональность цитируемых воспоминаний.

бюллетеней Великой армии, также как и взятая Риги из воспоминаний Наполеона фраза о московском пожаре как «океане огня»¹¹³. Более правдоподобны мнения авторов дневниковых записей, создаваемых, в своей основе, под непосредственным впечатлением знакомства с объектами чужой культуры. Хотя полковнику Л.-Ж.-Л. Мажу Москва показалась «не похожей ни на один из городов Европы, из-за [ее] чудесных дворцов и красивых кварталов, разбросанных подобно зернам в поле», он все же предпочел говорить не о «восточном» (цивилизационном), но о «прелестном русском стиле» (национальном)¹¹⁴.

Рассказы об уничтожении населенных пунктов отступавшими российскими войсками — еще одна важная сюжетная линия, неизменно присутствовавшая в официальных бюллетенях, военной переписке и литературе мемуарного плана. Манера описания этой тактики зачастую сводилась к констатации факта ее полного противоречия рациональному поведению европейцев:

Противник продолжает сжигать все на своем пути. Он предал огню город Вязьма. Мы успели спасти лишь транспортные средства. Город был оставлен на разграбление казакам [...] Невозможно примириться с этим безумием, которое обрекло на уничтожение город в 15 000 жителей, украшенный 32 церквями и богатевший на протяжении веков¹¹⁵.

В воображении жителей европейских стран, являвшихся адресатами этой информации, конструировался образ несчастных соотечественников, вынужденных терпеть лишения «в пустынной стране, в которой осталось лишь то, что уцелело в огне пожаров, которые повсюду разожгли эти негодяи русские в надежде спастись»¹¹⁶. Дымящиеся развалины, которые французы находили вместо городов и весей, казались им очевидными доказательствами «варварской», подверженной примитивным инстинктам, сущности россиян¹¹⁷. Главный интендант императорской гвардии Ж.-Ж.-Б. Дюфур, придерживавшийся просвещенного мнения, что «цивилизация есть ничем иным, как человеческим разумом», не нашел рациональных причин в осуществленном противником подрыве перепра-

---

¹¹³ Rigeau D. Souvenirs des guerres de l'Empire. P. 61; Ададулов В. «Наполеонида» на Схольд Европы. С. 345.

¹¹⁴ Majou L.-J.-L. Journal, mars-novembre 1812 // Revue des études historiques. 65e année. Paris, 1899. P. 195, 198.

¹¹⁵ SHD. C 2. Carton 130. [Maret à Macdonald, 5 septembre 1812].

¹¹⁶ Lettres interceptées. Doc. № 131. P. 173; Письма военнослужащих Великой армии (октябрь-ноябрь 1812 г.) // Промыслов Н. В. Отступление Великой армии от Москвы до Смоленска в письмах ее солдат // ФЕ. 2010. С. 329 – 330. [Bastier à Priest, Gjatsk, 17 octobre 1812].

¹¹⁷ Puniet de Monfort J. Mémoires inédites: Aperçu de la campagne de Russie. P. 115.

вы через мелководную реку. По его мнению, сделано это было «не из-за необходимости обороны, но скорее из-за начавшего приумножаться духа разрушения»¹¹⁸. Убежденность в варварстве «скифской» тактики ведения русскими войны являлась характерной чертой дискурса их политических и военных противников о конфликте цивилизаций. Министр финансов Варшавского герцогства Т. Матушевич назвал эту тактику «вандализмом, которым вдохновляется русская армия»¹¹⁹. К распространению в разных странах Европы цивилизационного образа конфликта были причастны также русские официальные круги, пытавшиеся запугать противника. Например, накануне войны русский посол в Мюнхене заявлял в высшем обществе, что «отступая вглубь, мы создадим пустыню между нами и французами, все будет уничтожено, [...] французов будут терзать казацкие воители»¹²⁰.

Датированный 27 августа 15-й бюллетень Великой армии констатировал, что «никогда еще война не велась с такой антигуманностью; русские относятся к своей стране, как к вражеской»¹²¹. Тон задавал сам император французов, назвавший россиян за избранную ими модель ведения войны «вырождающейся нацией»¹²². Однако кульминационным пунктом повествований западных очевидцев, не исключая самого Наполеона, о «скифском варварстве» русских стал пожар Москвы, окончательно развевший в представлении этих людей «обманчивый культурный налет Петербурга»¹²³. Встреча с трудно объяснимыми с точки зрения их предыдущего опыта явлениями побуждала очевидцев обращаться ко всеобщему мнению, то есть к социокультурным стереотипам, которые в данном случае снимали с авторов тяжкую необходимость понимать и прощать врага. «Мы думали вести войну с просвещенным народом, —

---

¹¹⁸ Dufour G.-J.-B. *Guerre de Russie, 1812* / Présentation de J. Perrot. Biarritz: Atlantica — Séguier, 2007. P. 51, 174.

¹¹⁹ AN. AF IV. Carton 1647. F. 699. [Matuszewicz à Maret, 29 septembre 1812].

¹²⁰ Ibid. Fonds Maret 204 AP. Carton 1. Dossier 2. [Extrait d'une lettre de Munich, 17 avril 1812].

¹²¹ SHD. C 2. Carton 130; JE. Samedi, 12 septembre 1812. P. 3. [15e bulletin de la Grande Armée, Slavkovo, 27 août 1812].

¹²² Rosetti M.-J. *Journal d'un compagnon de Murat. Espagne — Naples — Russie*. Paris: F. Teissèdre, 1999. P. 95.

¹²³ Henckens J.-L. *Mémoires*. P. 134. См. также: *Lettres interceptées*. Doc. № 43. P. 38. [Baurott à son épouse, à Rostock, Moscou, 29 septembre 1812]; Chevalier J.-M. *Souvenirs des guerres napoléoniennes*. P. 206; Peyrusse G.-J. *Lettres inédites, écrites à son frère André pendant les campagnes de l'Empire de 1809 à 1814* / Publ. par L.-G. Péliissier. Paris: Perrin, 1894. P. 94; Земцов В. Н. Наполеон о Москве и московском пожаре // *Отечественная война 1812 года*. Москва: Полиграф сервис, 2007. С. 156; Земцов В. Н. *Армия Наполеона в Москве: Обзор источников* // *Отечественная война 1812 года*. Москва: Полиграф сервис, 2006. С. 23–24; Земцов В. Н. *Наполеон в Москве*. Москва: ООО «Книга», 2014. С. 63.

набросились чины штаба И. Мюрата на пленного русского офицера, — а видим теперь, что это толпа разбойников, — зажгли собственную столицу»¹²⁴. «Эти люди должны быть варварами, чтобы решиться сжечь свою столицу», — оценивал русских в письме к жене маршал Ж.-Б. Бессьер¹²⁵. Считая, что в результате пожара Москвы погибли 25 тысяч российских подданных, императорский казначей Г.-Ж. Пейрюсс в письме от 22 сентября из Москвы к брату сетовал на «дремучее варварство» врага: «Каким образом вести переговоры с подобными людоедами? Если бы я был императором Наполеоном, я пошел бы на Санкт-Петербург и превратил этот город в пепелище»¹²⁶.

Отметим поразительное смысловое совпадение вышеизложенного и, казалось бы, личного отклика непосредственного очевидца с идейной тональностью опубликованного несколькими днями позже в «Журналь де л'Амбир» обличительного материала следующего содержания:

Но ужаснее всего то, что Татарин, наместник Москвы, — от этого дела содрогнулись бы и людоеды — велел поджечь прежде всего ту часть города, в которой находились больницы, и 30 000 раненных и больных, спасшихся от смерти в битве 7 сентября, нашли свой конец в пламени, зажженном их соотечественниками¹²⁷.

На основании официальной информации Екатерина Вюртембергская, супруга короля Вестфалии Жерома, откликнулась о поджоге Москвы Ф. В. Ростопчиным и последовавшей гибели в огне 30 тысяч россиян, как «невиданном доселе, отвратительнейшем примере варварства»¹²⁸.

Создаваемый посредством массовой печати (бюллетеней, газетных заметок, брошюр, книг) образ противостоящего благородному и гуманному европейцу напорч лишенного морали русского дикаря был призван вызвать омерзение и отторжение: «После оставления Москвы французской армией казаки, башкиры и другие дикие народы расположились там как господа — грабеж был всеобщим»¹²⁹. Этому «шабашу азиатов» противопоставлялась «цивилизованная» позиция Наполеона: «Когда императору предложили сжечь остатки города и распространить эту меру в окрестностях Москвы,

---

¹²⁴ Перовский В. А. Из записок о пребывании в плену у французов 1812—1814 // РА. Г. 3, 1865. № 3. С. 262.

¹²⁵ AN. Fonds Bessiers 32 AP. Carton 17. F. 131. [Bessiers à son épouse, Moscou, 20 septembre 1812].

¹²⁶ Peyrusse G.-J. Lettres inédites. P. 100.

¹²⁷ Цит. по: Арндт Э. М. Из воспоминаний о 1812 году. С. 97.

¹²⁸ Catherine de Wurtemberg. Journal de 1812 // Mémoires et correspondance du roi Jérôme et de la reine Catherine / Publ. par A. Du Casse. T. 6. Paris: E. Dentu, 1865. P. 52.

¹²⁹ JE. Samedi 12 décembre 1812. P. 1. [Danemarck, Kiel, 1er décembre].

чтобы бороться с русскими их же методами, [...] он отказался от этих мер, способных приумножить несчастья этого населения»¹³⁰.

Образ «людоеда» в западном дискурсе о русском походе является метафорическим лишь отчасти. Представление о «русских как о лютых врагах, более напоминающих диких людоедов, чем европейских солдат»¹³¹, было распространено во многих уголках Европы. Сержант 26-го полка легкой пехоты Регино вспоминал, что во время побывки в Берлине хозяева квартиры неоднократно пытались отговорить его от участия в русском походе, прибегая с этой целью именно к аргументам цивилизационного характера. Не удивительно, что среди чинов Великой армии бытовало поверье, что «русский казака, дябла, съела француза»¹³². Казалось, сами русские намеревались убедить противника в том, что являются каннибалами: пьяный мужик, напавший у ворот московского Кремля на французского офицера, стал неистово «рвать зубами [его] мертвое тело»¹³³. Другой свидетель, вопреки цитируемому источнику утверждал, что упомянутый француз выжил, но изуродованное лицо стало причиной его ненависти к русским «людоедам»¹³⁴.

Несмотря на огромное влияние идеологической составляющей на умы и настроения участников русского похода, отдельные авторы все же предпринимали попытки разглядеть за пламенем московского пожара исторические и психологические корни решимости россиян поджечь свою древнюю столицу.

Потомственный дворянин Май-Нель заметил за фасадом кажущейся дикости самобытную культуру, выработавшую в неблагоприятных условиях ордынского ига привычку жертвовать своими материальными ценностями. Этот мемуарист воздал честь мужеству русского народа, который «мы считаем варварским лишь с точки зрения нашей изнеженной цивилизации»¹³⁵. Ж.-М.-Ф. Жиро де Лэн считал не менее варварской, чем поджег россиянами Москвы, попытку разрушения московского Кремля, предпринятую маршалом Э.-А. Мортье по приказу Наполеона:

Наверное, следовало пощадить этот древний исторический монумент, являвшийся обиталищем царей и имевший в глазах народа священный

---

¹³⁰ Ibid. Mardi 17 novembre 1812. P. 3. [26e bulletin de la Grande Armée, Borowsk, 23 octobre 1812].

¹³¹ [Reguinot]. Le sergent isolé. Histoire d'un soldat pendant la campagne de Russie en 1812. Paris: Libraires du Palais-Royal, 1831. P. 3.

¹³² [Климич С.] Московский Новодевичий монастырь в 1812 году // РА. Г. 2. 1864. № 4. С. 424.

¹³³ Двенадцатый год: Современные рассказы, письма, анекдоты, стихотворения // РА. Г. 14. 1876. № 7. С. 302.

¹³⁴ Перовский В. А. Из записок о пребывании в плену у французов 1812—1814. С. 262.

¹³⁵ [Mailly-Nesle A.-A]. Mon journal de la campagne de Russie. P. 44—45.

характер; не пристало нам, представителям европейской цивилизации, давать северным варварам подобный пример вандализма¹³⁶.

Логично предположить, что линией оценочной бифуркации в таком случае явилось отнюдь различие культурных параметров (несущественное в одной цивилизационной общности), а скорее всего идеология — отношение к режиму Наполеона как политическому наследнику Французской революции. К антинаполеоновской риторике прибегали преимущественно выходцы из старого дворянства и духовенства и, особенно, эмигранты¹³⁷.

С российской стороны стандартный набор стереотипных оценочных суждений о пришельцах с Запада демонстрирует обширная публицистическая литература, при анализе которой вновь встают вопросы о степени и масштабе влияния пропагандистского дискурса на оценку современниками реальности и определении пропорции между идеологическим образом противника и эмпирическим восприятием последнего.

Если после заключенного в 1807 году Тильзитского мира официальная пресса воздерживалась от прямых нападок на Францию и Наполеона, которого в «Московских» и «Санкт-Петербургских ведомостях» именовали не иначе как «Великим»¹³⁸, то вторжение Великой армии послужило сигналом к огульному обвинению Франции в попрании законов цивилизованного общества, варварстве и невежестве:

Только у диких народов, которые скорее напоминают свирепых зверей, чем людей, отмечается стремление к грабежам; но никогда к всеобщему разрушению. Они вторгаются к соседям, убивают и грабят их; но они никогда не уничтожают того, чего не могут унести с собой. В наше время, наоборот, наблюдаем нацию, некогда знаменитую своей духовной культурой и светскими удовольствиями, всегда пользовавшуюся нашим гостеприимством и дружбой, но явившую миру черты злобы и жестокости, неизвестные даже в истории самых варварских народов Африки и Америки [...] У каждой нации есть свои чудовища, но между тем невозможно, чтобы у народа, каждый солдат армии которого являет собой пример разбойника, мародера, коварного соблазнителя невинности, нечестивца, были

---

¹³⁶ Girod [de l'Ain] J.-M. Dix ans de mes souvenirs militaires 1805–1815. Paris: J. Dumaine, 1873. P. 280.

¹³⁷ [Изарн Ф.-Ж., д']. Воспоминания московского жителя о пребывании французов в Москве в 1812 году // РА. Г. 7. 1869. № 9. С. 1406–1462; L[ecointe] d[e] L[aveau G]. Moscou avant et après l'incendie, par un témoin oculaire. Paris: Guide fils, 1814. P. IV, 166; Langeron A.-L.-A., de. Mémoires. Campagnes 1812, 1813, 1814 / Publ. par G. F[abry]. Paris: Picard et fils, 1902. 524 p.

¹³⁸ Бестужев-Рюмин А. Д. Записки. Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году // РА. Г. 34. 1896. № 7. С. 343.

хорошие нравы. Сердце человека не становится жестоким в одночасье; оно становится таким постепенно вследствие развращающего нравы влияния атеистической отравы¹³⁹.

Весьма характерно, что изображение российской пропагандой «варварского» и «святоотатского» поведения французов в Москве тождественно описанию английским путешественником Э. Д. Кларком варварства и святоотатства самих россиян в Крыму, завоеванном ими в 1783 году:

Они опустошили весь край, вырубали деревья, разрушили дома, повергли в прах священные здания и публичные строения туземцев, привели в негодность все общественные источники, ограбили всех жителей, оскорбили татар в том, что касается исполнения их культа и религиозных церемоний, извергли из могил и сожгли на кострах или же отдали на съедение свиньям погребенные в саркофагах кости предков этих несчастных, уничтожили все памятники старины, вскрыли без разбора захоронения христиан и язычников, развеяв по ветру их останки¹⁴⁰.

Где бы ни звучали такие обличения — в Англии, России, Франции, — они имели своей целью создание уничижительного образа реального или потенциального противника. Они отнюдь не отражали всю правду, а лишь подобно кривым зеркалам фокусировали и утрировали ее избранные черты, создавая в представлениях реципиентов видимость столкновения цивилизаций. *Примечательно, что в российском случае идея войны между цивилизациями являлась отражением с точностью до наоборот аргументов и тональности ее западного аналога.* Согласно наблюдениям Сегюра, «высшие слои русского общества считали французскую нацию опережающей их в том, что касалось культурной и научной цивилизованности, но значительно низшей по реальной силе, количеству, физическим и моральным качествам солдат, а также как по богатству и протяженности территории»¹⁴¹. Консервативное по идейной тональности восприятие своей страны, как самодостаточной и не зависящей от Европы цивилизационной общности, весьма характерно для российской общественной мысли эпохи наполеоновских войн. В 1807 году сенатор И. В. Лопухин писал, что «главное искусство российской политики должно состоять в том, чтобы сколько можно не только меньше зависеть от Европы, но и меньше связей с нею иметь, как политическими сношениями, так и нравственными». Под «нравственными сношениями» этот аристократ понимал заимствование западных «обычаев, коих заразительная гнилость снедает древнее здравие душ и тел российских». Патриотизмом же Лопухин

¹³⁹ SHD. C 2. Carton 132. [Nouvelles officielles russes, Moscou, 17 (29) octobre 1812].

¹⁴⁰ JE. Jeudi 26 novembre 1812. P. 4. [Angleterre, Londres, 15 novembre]; Clarke E. D. Travels in Russia, Tartary and Turkey. P. 95.

¹⁴¹ AN. AF IV. Carton 1696. Dossier 4. [Remarques sur la Russie, par M. de Ségur, septembre 1807].

наоборот считал такое состояние культуры общества, при котором его соотечественники не походили бы ни на французов, ни на англичан¹⁴².

Вторжение Великой армии в пределы империи сделало консервативное направление мыслей преобладающим и заставило замолкнуть сторонников не только политического, но и культурного диалога с Францией в частности, и Западом вообще. В 1812 году правящая прослойка России сделала все возможное, чтобы представить дикой ордой варваров воинство Наполеона, а людоедами — обитателей Франции¹⁴³. «При виде того, что творится, — высказывал свое негодование по поводу захвата Наполеоном Смоленска один царедворец — невольно обращаешься к более отдаленному времени, к IV веку, хотя для Бонапарта слишком велика честь уподоблять его Аттиле, которого он превзошел в варварстве; скорее — это новый Батый, столь же слепой и отчаянный, как и жестокий»¹⁴⁴. Не удивительно, что публицисты всякого чина и звания соревновались между собой в изощренности описания вторгшихся в Россию «варваров»: следуя классическим литературным и фольклорным топосам, их именовали то «новыми готами», то «новыми татарами», и даже уподобляли бесчеловечным людоедам из американских джунглей¹⁴⁵.

По свидетельству лейтенанта Ж.-М. Шевалье, «неотесанное и варварское население» России охотно верило этим измышлениям: «Мы встретили несчастных женщин, предложивших нам на съедение своих детей; этим суеверным внушили, что мы являемся каннибальским народом»¹⁴⁶. Решение жителей Смоленска укрыться в кафедральном соборе его священник представил капитану императорской гвардии Ф.-Ж.-Б. Дюмонсо как

¹⁴² Лопухин И. В. Записки. Москва: Наука, 1990. С. 189–190.

¹⁴³ Langeron A.-L.-A., de Mémoires. P. 90.

¹⁴⁴ Ленгинов Н. М. 1812-й год. Из писем к графу С. Р. Воронцову // РА. Г. 50. 1912. № 4. С. 497. [Письмо от 21 августа (1 сентября) 1812 г.]. О «новом Аттиле» повествуют представители ученого типа культуры: Шаликов П. И. Историческое известие о пребывании в Москве французов 1812 года. Москва: С. Селиванов, 1813. С. 19. Это сравнение часто преподносилось в духе христианского триумфализма: «[...] Корсиканский Аттила до того довел сие войско Французских разбойников, что спутники и рабы его не знают ничего Высокого, Священного, Божественного, и составляют скопище злодеев, отверженных Богом и Провидением». ([Меркель Г. Х.] Беседа Русского с соотичами своими на развалинах Москвы (в октябре 1812) // Сын Отечества. Санкт-Петербург, 1812. № 6. С. 225).

¹⁴⁵ «Нет закона, нет священного обыкновения, которых бы враги наши не нарушили; нет злодеяния и свирепства, которых бы они не совершили. Сонмища дикарей поступили бы гораздо лучше, нежели сии образованные, просвещенные Франгузы!» (Там же); См. похожие мнения современников: Двенадцатый год: Современные рассказы, письма, анекдоты, стихотворения // РА. Г. 14. 1876. № 8. С. 389, 399; Лажечников И. И. Походные записки русского офицера. Москва: Типография Н. Степанова, 1836. С. 24.

¹⁴⁶ Chevalier J.-M. Souvenirs des guerres napoléoniennes. P. 204.

следствие их панического страха перед французскими людоедами¹⁴⁷. Результаты влияния на настроения обывателей такой нехитрой, но весьма эффективной пропаганды один из провинциальных русских мемуаристов описал следующим образом:

Говорят, страшно было в Москве перед приходом французов, а в уездных городах да в селах, я думаю, еще было страшнее. Чего, чего не рассказывали в народе! Наслушаешься бывало этих толков, так ночью не заснешь¹⁴⁸.

Страх перед аполкалиптическим врагом с Запада мгновенно распространился и усилился как в крестьянской, так и мещанской среде. Его изначальным источником зачастую являлись пресса, разного рода брошюры и листки, вторичными ретрансляторами — всякого рода грамотеи — от приходских батюшек до приказчиков и мелких чиновников. При этом «всякая реляция была пожираема, тысячу раз перечитана, затвержена»¹⁴⁹. Почерпнутые из агиток и приукрашенные богатой фантазией их читателей темные образы врага пользовались огромным доверием среди неграмотного простонародья, свято убежденного в евангельском характере любого печатного слова¹⁵⁰. Свою роль сыграли многочисленные карикатурные изображения Наполеона и его армии, представлявшие зрителю образ разлагающейся западной цивилизации и способствующие основанной на ксенофобии так называемой отрицательной мобилизации общества¹⁵¹. Результатом явилось то, что «дух народный не терпел французов»¹⁵². Последние часто оценивались даже грамотными людьми как «неприятель зверообразный»¹⁵³. Не представляя воинов Наполеона в ином обличье, в момент встречи с ними эти читатели «Московских ведомостей» и написанных народным слогом брошюр уже пребывали в полуобморочном состоянии, от которого страдали не только бессонницей, но и желудочным расстройством. В отличие от неграмотных дворовых крестьян и мещан, которые

¹⁴⁷ Dumonceau J.-F. Mémoires 1812–1813 / Publ. par J. Puraye. Bruxelles: Brepols, 1958. P. 108.

¹⁴⁸ Левицкий Ф. И. Рассказчик ранний священник церкви Филиппа митрополита на Мещанской // Рассказы очевидцев. С. 44.

¹⁴⁹ Зотов Р. М. Рассказы о походах 1812 и 1813 годов прапорщика Санкт-Петербургского ополчения. Санкт-Петербург: Типография И. Глазунова, 1836. С. 8.

¹⁵⁰ Агронов Л. И. Восприятие событий Отечественной войны 1812 г. российским простонародьем // (<http://www.museum.ru/1812/Library/Agronov1/index.html>).

¹⁵¹ См. подробнее о методологии и результатах исследований визуальных текстов эпохи 1812 г.: Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или «увидеть русского дано не каждому». Москва: Новое литературное обозрение, 2011. С. 154–209.

¹⁵² Маракуев М. И. Записки ростовца // РА. Г. 45. 1907. № 5. С. 111.

¹⁵³ Москва в 1812 году. Описание моего пребывания в Москве во время французов, с 1-го по 21 сентября 1812 года // РА. Г. 34. 1896. № 8. С. 533.

быстро приспособивались к сосуществованию с новой властью, эти «грамотеи» оказались неспособными изменить свои идейные предубеждения и впоследствии в своих мемуарах описали французов как «варваров злонравных, хуже зверей, народ презлой, хитрой и лукавой»¹⁵⁴, «злодеев, варваров, убийц без причины»¹⁵⁵. Чаще всего о «злодеях» и «хищных зверях французах» повествовали грамотные жители Москвы, не упускавшие при этом возможности блеснуть своими познаниями в истории вселенских греха и спасения, изложенных в Священном писании¹⁵⁶.

Но иногда у читателей все же возникали сомнения в истинности воображаемой реальности, которую создавали официальные сообщения. Известный мастер садово-паркового искусства А. Т. Болотов записал 3 (15) августа в дневнике:

[...] Газеты сего дня не столько нас обрадовали, сколько смутили, ибо хотя и сообщено в них было о знаменитых победах над неприятелем, но они что-то не веселили, ибо оказывалось, что всеми нашими уже столь многочисленными поражениями неприятеля мы ничего не выигрываем и теряем только людей [...]¹⁵⁷

Старуха-мать приходского священника из Старой Рузы, несмотря на назойливость неприятельских солдат, проявленную ими в поисках пропитания и ценностей, сумела посмотреть на эту жизненную ситуацию куда реалистичней, чем ученые потребители пропагандистских образов. Ограбленная, она, тем не менее, быстро смекнула, что раз у нее больше нечем было поживиться,

они меня, старуху, не тронут. Какая корысть им меня убить, ведь они тоже не звери какие¹⁵⁸.

В качестве важнейшего доказательства нецивилизованности противника россияне расценили пожар Москвы, но с точки зрения, диаметрально противоположной французской, а именно через призму утверждений своей пропаганды о преднамеренном поджоге города Наполеоном. Чтобы защитить честь мундира сослуживцев, Ч. Ложье де Белленкуру пришлось вступить в безрезультатный спор с попом и его приходом, попытавшимися узнать

---

¹⁵⁴ Московский воспитательный дом в 1812 году // РА. Г. 38. 1900. № 11. С. 475.

¹⁵⁵ Бумаги. Ч. I. С. I. [Письмо москвича, очевидца событий 1812 года].

¹⁵⁶ См., например: Ж[данов] П. П. Памятник французам, или Приключения московского жителя. Санкт-Петербург: Типография И. Байкова, 1813. С. 1, 8, 17, 20, 41–42, 49.

¹⁵⁷ Малеванов И. А. Дневник 1812 года А. Т. Болотова // Отечественная война 1812 года. Можайск: Терра, 2000. С. 133.

¹⁵⁸ Левицкий Ф. И. Рассказчик ранний священник церкви Филиппа митрополита на Мещанской. С. 46–47.

у него «какой варварский гений, какая нечеловеческая жестокость вдохновили вашего вождя на такую гнусную крайность, как поджог нашей благочестивой столицы?» Офицер итальянской гвардии «напрасно пытался объяснить ему всеми доступными средствами, что это утверждение на самом деле являлось ужасной ошибкой; он ограничился ответом, что это я ошибаюсь, поскольку никто не сомневается, что это дело рук Наполеона». Поворотным моментом в общении стал обращенный к Ложье вопрос священника, «является ли он христианином»:

Как только мой утвердительный ответ стал известен всем, они стали смотреть на меня с бóльшим интересом, и разговор оживился. Тогда поп взял меня за руку, порывисто пожал ее, и сказал: «Поскорее уезжайте. Иловайский, усиленный местным ополчением и совсем свежей кавалерией, продвигается, чтобы напасть на вас; оставаясь здесь, вы подвергнетесь опасности. И помешайте, если будете в силах, всем безбожным поступкам, в которых виноваты ваш предводитель и ваши [войска]». Прежде чем уехать, я хотел еще раз объяснить ему, что он и его спутники ошибаются и убеждал его в этом, двигаясь по лесу¹⁵⁹.

Внезапно пришедшее понимание того, что неприятели не являются зверьми в человеческом обличье, хотя не уничтожало полностью, но отодвинуло на второй план созданное пропагандой их негативное восприятие. На первый план вышло желание оказать помощь человеку, находившемуся в смертельной опасности. Хотя ни одна из сторон не убедила визави в своей правоте, сама картина спора противников, мирно шествующих по лесу подобно кэрролловским Алисе и белому рыцарю, является очевидным банкротством концепции 1812 года как столкновения цивилизаций. Доверительное рукопожатие священника превратило Ложье из врага в гостя (хотя и непрошенного), став символом разрушения идеологического барьера, воздвигнутого между ними пропагандой.

Если говорить о русской стороне контакта, то наибольший интерес для исследователя представляют записки и воспоминания отнюдь не армейских чинов (незаменимые, впрочем, для осознания мировоззренческих различий между «людьми воюющими»), сколько гражданских лиц — дворян, разночинцев, священнослужителей, крестьян, главным образом мужчин, но, также, и женщин и, даже, детей, изложивших впечатления своих ранних лет уже в преклонном возрасте. Обыватели, происходящие из различных оккупированных местностей, оставили не менее сотни свидетельств о вольном или невольном общении с пришельцами с Запада¹⁶⁰.

---

¹⁵⁹ Laugier C. Récits d'officier de la garde du prince Eugène / Traduit de l'italien par H. Lyonnet. Paris: Arthème Fayard, 1911. P. 110–113.

¹⁶⁰ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. Москва: Наука, 1980. С. 264–297.

Несмотря на то, что взрослые свидетели нередко воспоинали о случаях жестокого обращения чинов Великой армии с их семьями, их дети оказались менее склонными обвинять французов во всех смертных грехах. Не означает ли это, что родители намеренно сгущали краски, следуя дискурсивным условностям?

Анализ документальных свидетельств обеих сторон показывает, что для того, чтобы осмыслить ситуацию контакта, необходимо ввести в объяснение поведения представителей различных культур *понятие ментального, морально-ценностного и идеологического порогов при воображаемом и, даже, осязаемом восприятии противника*. Преодолеть этот отчасти осознанный, отчасти неосознанный барьер означало для современников выйти за рамки своей социокультурной среды, что в переводе на биологические понятия означало бы для сухопутных животных перестать дышать воздухом, а для рыб — находиться в водной среде. И то, и другое тождественно смерти, в первом случае — духовной, во втором — физической. Поэтому, постоянно пребывая в коренной среде, понять врага можно, в лучшем случае, лишь на краткий миг.

Это теоретическое замечание неизбежно влечет за собою весьма провокационный вопрос: если все же склониться к мнению, что в 1812 году имело место столкновение цивилизаций, то произошла ли тогда их настоящая встреча, предполагавшая взаимное познание основных социокультурных параметров? Вследствие массовой, добровольной или осуществленной по приказу властей, миграции местного населения, чины Великой армии так и не смогли сформировать адекватных представлений о нравах и обычаях, способе жизни населения Российской империи. Добравшись до Смоленска, гвардейский адъютант Г. Леккок записал в своем дневнике:

Мы проделали более трехсот лье в Литве и России, не найдя ни одного жителя и не увидев ни одного города, до сих пор мы завоевали лишь пепелища и леса¹⁶¹.

Одно из наиболее ранних свидетельств мемуарного плана, составленное в июне 1813 года капитаном 93-го пехотного полка Ж. Прете, акцентирует не цивилизационные различия, почти не замеченные автором, а факт отсутствия населения:

Мы пересекали страну, полностью покинутую жителями, которые, к несчастью, уничтожили по большей части ресурсы и сожгли свои дома на нашем пути, следуя в этом пагубному приказу, который был им дан; к несчастью, рабский народ верил всему и оставался слепо преданным [сво-

---

¹⁶¹ Lecoq G. Journal d'un grenadier de la Garde / Publ. par H. Lecoq // La Revue de Paris. 1911. Т. 5. Р. 164.

им господам]; это тягостное обстоятельство стало источником наших несчастий¹⁶².

Исполнявший функции разведчика при штабе дивизионного генерала П.-К. Пажоля, его адъютант капитан Ю.-Ф. Био упрямо следовал семь дней от Витебска вглубь России, «ни разу не заметив жителей». «Ни тени друга или врага!» — в отчаянье воскликнул он¹⁶³. Любителя галантного общения с прекрасным полом, М.-А. Бейля гораздо больше расстроило то, что «у него не было возможности обратиться с речью к женщине от самого села Мариамполь, что в Пруссии». «Таков наш удел во всем», — с досадой констатировал автор письма¹⁶⁴. Массовое бегство населения воспринималось французами, как несомненное доказательство его дикости. Е. Сангушко не пришлось долго убеждать Наполеона в том, что «русский привычен к кочевой жизни и приспособлен угонять с собой скот, который находит корм повсюду, вплоть до пустынь Татарии»¹⁶⁵.

«Почти полное отсутствие жителей»¹⁶⁶ и, как следствие, — общения с представителями местной социальной культуры являлись не только весомым психическим раздражителем для участников русского похода, но и помешало им сформировать истинные представления об этой культуре, о характере которой они могли строить лишь предположения. «Я остановился в апартаментах аббата или попа, — писал 21 сентября дивизионный генерал Ф.-Р. Ледрю дез Эссар. — Судя по мебели и картинам, мой аббат должен быть галантен и образован; он очень неправ, что сбежал, я защитил бы его от любых оскорблений»¹⁶⁷. «В их деревнях [мы] не нашли ни души, мужчин забрали русские, женщины и дети укрылись в лесах», — описывал 1 сентября окрестности Вязьмы секретарь-переводчик французского императора Ф.-Л.-Э. Лелорнь д'Идевилль¹⁶⁸. Через несколько дней ему все же повезло: близ Можайска был задержан некий крестьянин, сумевший настолько подробно описать окрестности Москвы (Воробьевы горы, Поклонную гору), что Лелорнь сделал пометки на имевшейся

¹⁶² Prétet J. Relation de la campagne de Russie par un temoigne oculaire. P. 422.

¹⁶³ Biot H.-F. Souvenirs anécdotiques et militaires / Publ. par le comte Fleury. Paris: H. Vivien, 1901. P. 29.

¹⁶⁴ Stendhal. Correspondance. T. 4. № 467. P. 113. [A sa sceur Pauline, Moscou, 4 octobre 1812].

¹⁶⁵ AN. AF IV. Carton 1646. F. 951. [Mémoire par le prince Eustache Sanguszko, Witepsk, 30 juillet 1812].

¹⁶⁶ SHD. C 2. Carton 133. [Rapport du gouverneur générale de Smolensk Charpentier, 1er novembre 1812].

¹⁶⁷ Цит. по: Ledru des Essarts F.-R. Un grand patriote sarthois méconnu 1765—1844: La vie de ce soldat courageux qui n'aimait que la paix racontée dans ses lettres / Edition par J.-L. Bonnéry. Le Mans: Edité par chez l'auteur, 1988. P. 83; не совсем точный русский перевод в: Губина М. В. Роль войны 1812 года в «знакомстве» французов с Россией и русскими // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2012. № 1 (34). С. 41.

¹⁶⁸ AN. AF IV. Carton 1650. Plaque 3. F. 414. [Les notes de Lelorgne d'Idéville, 1er septembre 1812].

у него карте России¹⁶⁹. Но это было исключение из правила. Дивизионный генерал Ш. Лефевр-Денуэтт отмечал, что на пути следования его дивизии из Москвы к Калуге «все население городов и весей, покинутых жителями, разбегается во всех направлениях, увозя на дрожках свои пожитки»¹⁷⁰. Краткое, а вместе с тем литературное, описание такой ситуации содержат мемуары другого офицера Великой армии: «Мне не довелось встретить на пустынном пути ни души, лишь вдалеке промелькнули силуэты нескольких мужиков»¹⁷¹. Коленкур сетовал, что «невозможно найти крестьянина, чтобы использовать его в качестве проводника»¹⁷². Крестьянина хватало внезапно, нередко в лесу, а между тем, как явствует из известной сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина, не встретить мужика в России было невозможно даже на необитаемом острове.

Рассказанная Наполеону гвардейским су-лейтенантом Ж.-Р. Куанье история его чудесного спасения напоминает своим психологическим настроением встречу заблудившегося в лесу героя древнефранцузского эпоса рыцаря Окассена с обитателем тамошних мест, грубым и неотесанным крестьянином¹⁷³. Она выдает испуг и неуверенность обоих действующих персонажей, принадлежавших к разным социокультурным средам. Посулив жестами крестьянину три золотые монеты за то, что тот выведет его к своей армии из страшного леса, в котором на этот раз рыскали не волки, но не менее «дикие» казаки, Куанье и не подумал довериться неожиданному проводнику, проделав весь спасительный путь с заряженным пистолетом у его виска¹⁷⁴.

Похожую историю, произошедшую в окрестностях Молодечно, поведал старший хирург 11-го полка легкой пехоты. На месте крестьянина на этот раз оказался еврей, вместо пистолета — ружье, неизменным атрибутом ситуации остались лишь золотые монеты¹⁷⁵. Пришелец извне с дарами в одной руке, и с оружием в другой, с пряником и кнутом одновременно, — не правда ли отличная метафора для иллюстрации встречи представительей различных цивилизаций? На самом же деле, мы имеем дело не столь-

---

¹⁶⁹ Корбелецкий Ф. И. Краткое повествование о вторжении французов в Москву и пребывание их в оной. Описанное с 31 августа по 27 сентября 1812 года. Санкт-Петербург: Типография департамента внешней торговли, 1813. С. 22–23.

¹⁷⁰ SHD. С 2. Carton 132. [Lefebvre-Desnouettes à Poniatowski, 24 octobre 1812].

¹⁷¹ Girod (de l'Ain) J.-M. Dix ans de mes souvenirs militaires 1805–1815. P. 267.

¹⁷² Caulaincourt A.-A., de. Mémoires. Т. 2. P. 144, 153.

¹⁷³ См.: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 279.

¹⁷⁴ Coignet J.-R. Les cahiers (1799–1815) / Publ. par L. Larchey. Paris: Hachette, 1883. P. 312.

¹⁷⁵ Souvenirs d'un chirurgien-major – le bataillon valaisan en Russie – 1812 (édités dans le «*Courrier du Valais*» en 1857) / Présentation par T. Legrand // www.planete-napoleon.com/docs/1812.BonValaisan.pdf

ко с реальностью встречи, запечатлевшейся в памяти участников событий, сколько с топосом европейской культуры, моделирующим ситуацию контакта с чужаком.

Указав на наличие порогов, препятствующих представителям различных социокультурных сред понимать друг друга, важно отметить неодинаковую высоту этого порога для членов одних и тех же сообществ. Швейцарский офицер Й. Г. Шумахер был удивлен, что в России, в отличие от крестьян, лишенных собственности и принадлежащих помещикам, «дворяне весьма цивилизованы, они говорят на многих языках, главным образом на французском, и обеспечены хорошими библиотеками»¹⁷⁶. Перехваченные русскими письма противников свидетельствовали, что представителей западной культуры удивила высокая степень просвещения здешнего дворянства¹⁷⁷. Существование в России образованной элиты являлось следствием продолжительного процесса европеизации культурных практик, в частности распространения книгопечатания, уходящего корнями еще в XVI век. Как в этом, так и многих других параметрах социальной культуры (путешествиях в Европу, типах общения и т. д.), сравнение России с азиатскими империями грешило субъективизмом взгляда, ведь, например, в Османской Порте первая типография появилась при султанском дворе лишь в 1727 году, а усвоение верхушкой общества элементов западной культуры оставалось весьма ограниченным на протяжении всего XIX века¹⁷⁸.

Явными признаками принадлежности России к Европе было знание ее элитой западных языков, в первую очередь французского, являвшегося семантическим кодом культуры Просвещения, и в результате этого — стабильный спрос на европейскую книгу. По пути следования Великой армии к Москве, военный медик Р. Фор погрузился в чтение обнаруженных им в одной из помещичьих усадеб книг на родном языке¹⁷⁹.

Посетив московский дворец Салтыковых, М.-А. Бейль заметил «множество хороших книг, а именно Бюффона, Вольтера, которого в этом городе можно встретить повсюду»¹⁸⁰. Француз не преминул воспользоваться этим открытием, найдя в чтении «Шуток» Вольтера средство отвлечься от реалий сожженного города. Покидая с Великой армией Москву, Пьон де Лош вывез

---

¹⁷⁶ Schumacher J. G. *Journal et souvenirs du capitaine aux suisses de la garde royale (1798–1830) / Traduits et publiés par P. d'Hugues*. Paris: Arthème Fayard, 1900. P. 86–87.

¹⁷⁷ Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). Док. № 194. С. 269. [Роберт Вильсон — лорду Каткарту, 20 октября (1 ноября) 1812 г.].

¹⁷⁸ Heyberger B. *La rencontre problématique de l'Islam avec les Lumières // Lumières, religions et laïcité / Sous la direction de L. Châtellier, C. Langlois et J.-P. Willaime*. Paris: Riveneuve, 2009. P. 103.

¹⁷⁹ Faure R. *Souvenirs du Nord*. P. 50.

¹⁸⁰ Stendhal. *Correspondance*. Т. 4. № 454. P. 76–77. [A. F. Faure, Moscou, 4 octobre 1812].

оттуда настоящее богатство — роскошно переплетенное собрание французской литературы, состоящее из произведений Вольтера, Леклерка, Левека, Рейналя, Мольера и других авторов¹⁸¹.

Бесспорно, что у образованного русского дворянина было гораздо больше шансов перенять (что вовсе не означает воспринять их как органическую систему мироощущения) отдельные ценности Запада (например, язык, образование, вкусы, идеи, даже религию¹⁸²), чем у приходского батюшки или хлебопашца. Описывая эту галломанию, французский дипломат в 1808 году сообщал Наполеону, что в высшем свете Москвы «любят Францию и французов, что император является объектом всеобщего восхищения и здесь ощущается жажда к рассказам о его военных и политических талантах»¹⁸³. Лишь в 1812 году вынужденное бегство высшего общества из Москвы положило конец (хотя, как оказалось впоследствии, — не окончательный) этому увлечению Францией:

Странное должно оно было производить впечатление, когда оно, с французским своим образованием, с французскими приемами, на французском языке бранило французов¹⁸⁴.

До рокового 1812 года мысль о том, что российская элита является носителем высокой европейской культуры, хотя и в ее наиболее отсталом, фронтирном варианте, не считалась зазорной даже во Франции. В 1810 году П. Нолак де Бержере заканчивает иллюстрирующее живой интерес европейцев к внешнему облику, оружию, одежде, языку и манерам диких обитателей России живописное панно «Александр I представляет Наполеону I калмыков, казаков и башкир русской армии в Тильзите 9 июля 1807 году»¹⁸⁵. На первый взгляд, кисть художника отобразила представление его соотечественников о чуждости русской культуры Западу. Однако при пристальном рассмотрении картины заметно, что ее композиция, как бы разделенная центральной осью на два сошедшихся в военном конфликте «мира» — европейский (слева) и русский (справа), — нарушена тем, что не только Наполеон и его военачальники, но и царь Александр, а также его свита, помещены в левой части. Таким образом, государственные и военные элиты обеих империй расположены в едином поле обмена смыслами, которое визуализируется не только в идущем по-французски разговоре

¹⁸¹ Pion des Loches A.-A.-F. Mes campagnes, 1792–1815.. P. 306.

¹⁸² Укажем на пример русских иезуитов в 40-е годы XIX в. См. подробнее: Danieluk R. Oecuménisme au XIXe siècle: Jésuites russes et union des Eglises d'après les archives Romaines de la Compagnie de Jésus. Rome: Institutum historicum Societas Iesu, 2009. 314 p.

¹⁸³ AD. MD. Russie. Vol. 32. F. 90. [Notice sur Moscou en 1808].

¹⁸⁴ Павлова К. Мои воспоминания // РА. Г. 13. 1875. № 10. С. 224.

¹⁸⁵ См. репродукцию на обложке книги.

монархов, но и позах, прическах, мундирах, оружии. Оба императора смотрят на калмыков, казаков и башкир с единого культурного расстояния, как просвещенные европейцы на нецивилизованных дикарей, вооруженных луками и пиками.

Этот визуальный дискурс как будто подтверждал мнение российского монарха относительно того, что Тильзитский мир был заключен «между в равной степени цивилизованными нациями»¹⁸⁶. С момента примирения с Наполеоном, Александру I больше не нужно было доказывать принадлежность России к просвещенной Европе.

Напротив, у него появилась возможность облекать свое стремление к территориальному расширению на мусульманском Востоке в риторику миссии цивилизованного европейца. Излюбленным текстуальным приемом Александра при этом было, как и у Наполеона, противопоставление Европы и Азии. Выражая в беседах с французским послом свою уверенность в скорой победе над турками, царь указывал, что само «человечество хочет чтобы в столетие Просвещения и цивилизации эти варвары больше не находились в Европе» и что сам «наш век, еще больше чем политика, оттолкнет этих варваров в Азию»¹⁸⁷.

Естественно, что когда их союз стал приносить больше взаимных неудобств, чем выгод, Александр и Наполеон, соперничавшие между собой в искусстве владения лексиконом Просвещения, посчитали самым разумным способом политического «развода» публичное обвинение визави в чуждости Европе и ее культуре. При этом образ столкновения между российской и западной цивилизациями, обосновываемый в 1812 году императорами в обращениях к армиям и народам, являлся скорее дискурсивной стратегией конструирования воображаемой реальности, чем истинной верой в нее.

Это обстоятельство не ускользнуло от внимания современников. Г.-Ф.-Ф. де Водонкур отметил упорное стремление Александра изобразить Великую армию «как орду разбойников», а Наполеона «как восставшего против неба тирана», чтобы «придать национальный и религиозный

---

¹⁸⁶ AN. AF IV. Carton 1697. Dossier 1. Doc. № 8. [Rapport de Savary, Saint-Petersbourg, 4 novembre 1807]; Савари А.-Ж.-М.-Р. Политическая переписка во время пребывания в Петербурге в 1807 г. // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 73. Санкт-Петербург, 1893. С. 190.

¹⁸⁷ Цит. по: Tatistcheff S. Alexandre Ier et Napoléon, d'après leur correspondance inédite 1801–1812. Paris: Perrin, 1891. P. 420. Более того, фронтирное положение России представлялось ее пропагандой в качестве важного фактора, доказывавшего решимость достичь европейского уровня культуры. Один из французских эмигрантов отмечал «большой прогресс, который проделала русская нация на пути к цивилизации за столь малое время, прогресс тем более удивительный из-за ее географического положения, заставляющего платить за него полную цену». (L[eco]inte] d[e] L[aveau] G]. Moscou avant et après l'incendie, par un témoin oculaire. P. III).

характер чисто политической войне»¹⁸⁸. А. Белло де Кергорр считал, что «русские власти оговорили нас как врагов их религии, чтобы под поводом защиты культа побудить своих подданных к участию в войне чисто политического характера»¹⁸⁹.

Что касается обвинений французской пропаганды в адрес россиян, то ничто так убедительно не выдает их надуманного характера как написанные Наполеоном уже во время войны письма к Александру. В них император французов ни разу не обвинил Россию в социокультурной чуждости Западу. Изложение им причин вторжения носило исключительно политический характер (речь шла о нарушении Россией тильзитских договоренностей о присоединении к режиму континентальной блокады)¹⁹⁰. Даже после «зверского и беспричинного сожжения Москвы», которое, как информировал Наполеон, было осуществлено по приказу генерал-губернатора Ростопчина, он уверял Александра, что «воевал с Вашим Величеством без вражды»¹⁹¹. Обвиняя Ростопчина в том, что он приказал вывезти из Москвы пожарные помпы¹⁹², Ю.-Б. Маре и не подумал назвать этот город азиатским, а напротив признал, что «пожарное дело было развито в нем как ни в одном другом городе Европы»¹⁹³. Не заметив в России признаков иной цивилизации, лейтенант В. А. Фоссен изумился лишь кремлевской пушке, «быть может, величайшего калибра в Европе»¹⁹⁴. Ухищрения пропагандистов так и не смогли разубедить здравомыслящих участников русского похода в том, что война велась не ради эпических, а куда более прозаических целей — «чтобы занять все [русские] порты и не пускать [туда] англичан»¹⁹⁵.

Тем не менее текстуальная проекция столкновения культур, спущенная с верхов общественной пирамиды к ее основанию и облеченная в форму дискурсивных практик, оказалась настолько эффективной, что не только для современников, но и для непосредственных участников войны «воображение оказалось большей реальностью, чем сама реаль-

---

¹⁸⁸ [Vaudoncourt G.-F.]. *Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie en 1812*. Т. 1. Londres: Derotte, 1815. P. 213.

¹⁸⁹ Bellot de Kergorre A. *Journal d'un commissaire des guerres pendant le Premier Empire (1806–1821)* / Edition de T. Rouillard. Paris: La Vouivre, 1997. P. 55.

¹⁹⁰ Correspondance générale. Doc. № 31068. P. 787–790. [A Alexandre Ier, 1er juillet 1812].

¹⁹¹ Ibid. Doc. № 31376. P. 1103. [A Alexandre Ier, 20 septembre 1812].

¹⁹² Бумаги. Ч. 1. С. 96. [Предписание графа Ф. В. Ростопчина московскому обер-полицмейстеру Ивашкину, о вывозе из Москвы пожарных труб, 1 сентября 1812 года].

¹⁹³ SHD. С 2. Carton 131. [Maret à Macdonald, 21 septembre 1812].

¹⁹⁴ Фоссен В. А. *Дневник. 1812* / Пер. с нем. А. Станкевич // РА. Г. 43. 1903. № II. С. 473.

¹⁹⁵ Двенадцатый год. Док. № 66. Приложение. С. 59. [Показания пленного французского кирасира Ленгана, 28 июля (9 августа) 1812 г.].

ность»¹⁹⁶. Это был тот классический случай, когда формируемое российской властью посредством пропаганды коллективное представление ее подданных о священном характере войны, которую якобы вели не люди и даже не императоры (Александр-Христос и Наполеон-Антихрист), а Бог с Дьяволом, имело следствием усиление с французской стороны пропаганды, направленной на развенчание «варварства» и «невежества» противника. Влияние текстуальной метафоры столкновения цивилизаций на воображение современников было настолько эффективным, что ее идейному очарованию в конечном итоге поддались даже ее непосредственные создатели: чтобы отомстить русским за упорное нежелание признать себя побежденными, Наполеон решил взорвать московский Кремль. Этот прожект, претворение которого грозило «поразить отчаянием всю Россию, привыкшую почитать святыни Кремля своим палладиумом», в свою очередь, привел в ужас российскую военную верхушку, побудив ее балансировать на грани цивилизованного отношения к противнику:

Нет, Бонапарт не взорвет Кремля. Я [генерал-адъютант Ф. Ф. Винцингероде] завтра дам ему знать, что если хоть одна церковь взлетит в воздух, то все попавшие к нам французы будут повешены¹⁹⁷.

Когда же Наполеон приказал взять в плен прибывшего в качестве парламентаря Винцингероде, царь обвинил своего визави в варварском коварстве, не имевшего ничего общего с обычаями христианской Европы:

Даже турки и азиатские народы умеют уважать выезжающих на переговоры. Но, кажется, все правила, доселе свято чтимые и во время самой революционной войны соблюдаемые, ныне презрены, и уступили место жестокому своеволию Наполеона¹⁹⁸.

Оскорбленный в своих чувствах образованного европейца, Александр пригрозил Наполеону презреть правила цивилизованной войны и заявил, что в случае казни Винцингероде, «впредь пять французов будут отвечать за одного носящего российский мундир и лишённого жизни, начиная всегда с старших чинов из имевшихся у нас пленных».

---

¹⁹⁶ Цит. по: Gauthier A. La trajectoire de la modernité: Représentations et images. Paris: PUF, 1992. P. 70.

¹⁹⁷ Цит. по: Попов А. Н. Французы в Москве в 1812 году // РА. Г. 14. 1876. № 8. С. 383; Розанов Н. П. Московские святыни в 1812 году. Москва: Церковная комиссия по чествованию юбилея событий 1612, 1613 и 1812 годов, 1912. С. 62.

¹⁹⁸ Сборник. Вып. 2. Док. № 223. С. 102–103. [Александр I – генерал-фельдмаршалу князю Голенищеву-Кутузову, 18 октября 1812 г.].

В те редкие моменты кампании 1812 года, когда в диалог с российским командованием пытались вступить парламентарии Наполеона, ни одна из сторон при личном общении не ощущала ни ненависти, ни непреодолимого социокультурного барьера; наоборот, обе они нашли определенную точку соприкосновения в констатации «варварства» русских крестьян. Прибыв в начале октября в ставку фельдмаршала М. И. Кутузова, генерал А.-Ж.-Б. Лористон «посетовал на варварское обхождение русских крестьян, которые с невиданной жестокостью умерщвляли всех французов, попадавших им в руки». Кутузов признал имевшим место такое обхождение с неприятелем, но прибег к иронии, поставив варварство крестьян в один смысловой ряд с «варварством» оккупантов:

Господин граф, наши крестьяне еще не достигли уровня цивилизации ваших крестьян и привыкли вести разговоры о былых нападениях татар, варваров, уничтожавших их предков». При этом упоминании о варварстве, Лористон громко возразил. Кутузов продолжил: «Но наши крестьяне, видя 600 000 врагов, несущих им железо и огонь, могли сравнить их с варварами, которые, некогда, поступали подобным образом»¹⁹⁹.

Заметим, что этот вариант ответа Кутузова Лористону был смягчен французской прессой. На самом деле российский фельдмаршал «ироническим тоном ответил, что невозможно в три месяца выиграть войну у нации, которая, правду сказать, презирает французов в такой степени как орду Чингисхана»²⁰⁰.

Настоящей же иронией судьбы являлось то, что подобные объяснения прозвучали из уст человека, принадлежавшего к тому классу российского общества, для которого в силу воспитания и привычки французские язык и книжная духовность являлись второй натурой. Напомним, что в ночь накануне Бородинского сражения Кутузов читал отнюдь не Евангелие, а популярный французский роман²⁰¹.

В разговоре с Лористоном фельдмаршал отметил характерную черту идентификации российским простонародьем образа супостата. Этой чертой являлось воображаемое соотношение поведения чужеземцев с фольклорным архетипом, сложившимся в эпоху набегов степных кочевников

---

¹⁹⁹ Langeron A.-L.-A., de. Mémoires. P. 31–32.

²⁰⁰ SHD. C 2. Carton 132. [Nouvelles officielles russes, 11/23 octobre 1812]; Wilson R. Private Diary of Travels. P. 185. См. также сатирическую репрезентацию встречи: ВЕ. Ч. 66. С. 155–159. [Переговоры между князем Кутузовым–Смоленским и французским генералом Лористоном в лагере при Таругине. (Из английских листков)].

²⁰¹ Tulard J. Préface // Ratchinski A. Napoléon et Alexandre Ier: La guerre des idées. Paris: B. Giovanangeli, 2002. P. 5.

и татарского владычества и акцентировавшим культурную, прежде всего религиозную, чуждость врага.

Диктуемое главным образом военной необходимостью размещение Великой армией коней и складов в храмах — единственных каменных зданиях среди деревянных лачуг — низшими слоями русского общества подсознательно отождествлялось в первую очередь со святотатственным поведением «басурман»-язычников или татар-мусульман, некогда демонстрировавших размещение скакунов в церквях свое презрение к покоренным христианам²⁰². Эпическое восприятие военного конфликта 1812 года было характерно и для некоторых представителей письменной культуры, особенно из духовного и купеческого сословий. Мемуары одного из них начинаются как древняя былина:

Нашла туча грозная — заревел гром страшный над Москвою белокаменной, [...] серный запах всюду слышится²⁰³.

Обратившись к введенной М. Бахтиным дихотомии «ученая» / «народная» культуры (идеология vs фольклор)²⁰⁴, отметим, что в начале XIX века она была свойственна не столько для отношений Запада и России, католицизма и православия, сколько для российского общества, внутри которого существовало расслоение между европеизированной светской элитой послепетровской эпохи и низами общества, остававшимися традиционно набожными. Для образованной в духе Просвещения русской аристократии и вышедших из дворянской среды интеллектуалов религиозные поверья и практики мещан и крестьян являлись такими же «варварскими», как и для западных авторов²⁰⁵. Взяв себе в захваченном обозе противника несколько книг на французском языке, артиллерийский поручик И. Т. Радожицкий содрогнулся от рассказа крестьянина об учиненных его односельчанами зверских убийствах французов, назвав такое ведение войны «утонченным варварством» и осудив «возбужденный фанатизм, вышедший за пределы человечности»²⁰⁶.

---

²⁰² Чудинов А. В. С кем воевал русский мужик в 1812 году?: Образ врага в массовом сознании // ФЕ. 2012. С. 336–365; Чудинов А. В. Кони в храмах: Об одном из топосов народной памяти о войне 1812 года // Известия Уральского федерального университета. Серия Гуманитарные науки. Вып. 117. Екатеринбург, 2013. С. 257–264.

²⁰³ Ж[данов] П. П. Памятник французам. С. 1.

²⁰⁴ См. подробнее: Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. Москва: Художественная литература, 1990. С. 524.

²⁰⁵ Pascal P. La religion du peuple russe. Paris: l'Age d'Homme, 1973. P. 10, 23, 64.

²⁰⁶ Радожицкий И. Т. Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год. Москва: Типография Лазаревых, 1835. С. 242, 247–248.

Высказываясь в весьма схожей манере, многие иностранные путешественники (к числу таковых можно отнести также воинов Великой армии) обвиняли россиян в исповедовании разновидности язычества, не имеющей ничего общего следованию заповедям Христа. Показательно, что схожие враждебные оценки давались в Средние века на Западе духовенством любым проявлениям престонародных верований, отличающихся от книжной доктрины католической Церкви²⁰⁷. Это обстоятельство еще раз доказывает, что война 1812 года не являлась столкновением западной и российской социокультурных систем, а лишь замаскированным под него конфликтом европейцев — радикальных приверженцев революционной модели общества / государства и консервативных противников этой модели. Вместе с тем, в параллельной реальности, существовал социокультурный конфликт другого уровня — между чинами Великой армии и низами российского общества, которые больше напоминали своим мировоззрением средневековых французов, живших в замкнутом мире однодневного перехода, чем своих господ, мыслящих категориями империи и европейской политики. Мимоходом, но, тем не менее, точно отметил этот мировоззренческий разрыв Э. Боарнэ. В докладе Наполеону от 10 июля он посетовал, что информация о передвижениях противника, полученная от местных жителей, «не заслуживает ни малейшего доверия вследствие их равнодушия к тому, что происходит в некотором удалении от их жилищ, они допускают многочисленные ошибки даже тогда, когда речь заходит о дорогах, по которым только что прошли [наши] войска»²⁰⁸. «Нам едва удавалось разыскать крестьянина, мы расспрашивали и охраняли его на протяжении двух дней, но он был настолько глуп, что от него нельзя было добиться даже названия его деревни», — возмущался «животным» скудоумием престонародья Э. Лабом²⁰⁹.

Преодоление коммуникативного барьера, возникающего при контакте представителей т. н. «ученой» и «народной» культур, крайне осложнено вследствие отсутствия общепонятных смыслов и топосов. Эта ситуация явно обозначилась в русском походе Наполеона: *неспособность представителей современной цивилизации снизить до мироощущения традиционного социума стала главной причиной непонимания ими здешних «дикарей»*. Символом такого непонимания мне представляется запечатлевшийся в памяти одного из русских очевидцев полный самоуверенного задора французский кавалерист, водрузивший на голову вместо каски кокошник, социокультурное

---

²⁰⁷ Schmitt J.-C. La croyance au Moyen Age // Schmitt J.-C. Le corps, les rites, les rêves, le temps: Essais d'anthropologie médiévale. Paris: Gallimard, 2001. P. 77–96.

²⁰⁸ AN. AF IV. Carton 1644. F. 1273. [Eugène Napoléon à Napoléon, 10 juillet 1812].

²⁰⁹ Labaume E. Relation complète de la campagne de Russie, en 1812. P. 248.

назначение которого ему было неизвестно, но смекалки понять, что он имеет дело с головным убором, хватило²¹⁰.

Дискурсивная модель столкновения цивилизаций являлась действенной потому, что нашла прочную опору в особенностях социальных сред, в которых формировались и обитали представители французской и русской культур, она превратила в свой инструмент не только их скудные познания друг о друге, но также взаимные страхи и предубеждения. Приведем лишь один из многих примеров создания образа инокультурного врага при помощи прессы. В конце 1812 года московский литературный альманах «Вестник Европы», со ссылкой на напечатанное в октябре парижским «Журналь де л'Амбир» письмо из Смоленска некоего французского офицера, привел его суждение о том, что «в оном городе есть много медведей, прирученных к верховой езде и к запряжке»²¹¹. Посоветовав отступавшим французам запрячь «ездовых» медведей в сани вместо павших лошадей, автор заметки излил сарказм по поводу стереотипов воображения противника о дикости русских.

Цитируемый нарратив мог вызвать доверие у многих читателей, поскольку вписывался в рамки распространенного в России социального представления о французах как о представителях мира, не подчиняющегося законам человеческой логики. Но, вероятнее всего, он был придуман русским журналистом: как ни искал, в «Журналь де л'Амбир» мне такого свидетельства найти не удалось.

Не удивительно, что многие очевидцы, описывая по прошествии месяцев или лет пережитые ими события, даже не пытались воспроизводить увиденное на основе личных, неповторимых впечатлений, прибегая вместо этого к идеологическим клише, взятым не только из официальной пропаганды (именно отсюда воображением россиян и был усвоен апокалиптический образ неприятеля-зверя), но и из тех нескончаемых разговоров, которыми были заполнены их будни. Чины Великой армии также (ре-)интерпретировали увиденные ими в России объекты и явления социальной культуры, следуя тенденциям общественного дискурса. Например, Сегюр, влияние идеологического канона на сочинение которого особенно заметно, писал о том, что война 1812 года не являлась столкновением между правителями, но «войною классов, войною отечеств, войною религиозий, всеми этими войнами одновременно»²¹².

Подобным образом описывали 1812 год многие пережившие его очевидцы, но, к счастью для историка, далеко не все. Тексты альтернативного содержания, к которым с российской стороны принадлежат ранние при-

²¹⁰ Сысоев А. Д. Рассказ купца // Рассказы очевидцев. С. 15.

²¹¹ ВЕ. Ч. 65. С. 315. [Известия и замечания].

²¹² Ségur Ph.-P., de. Un aide de camp de Napoléon. P. 81–82.

назначение которого ему было неизвестно, но смеялки понять, что он имеет дело с головным убором, хватило²¹⁰.

Дискурсивная модель столкновения цивилизаций являлась действенной потому, что нашла прочную опору в особенностях социальных сред, в которых формировались и обитали представители французской и русской культур, она превратила в свой инструмент не только их скудные познания друг о друге, но также взаимные страхи и предубеждения. Приведем лишь один из многих примеров создания образа инокультурного врага при помощи прессы. В конце 1812 года московский литературный альманах «Вестник Европы», со ссылкой на напечатанное в октябре парижским «Журналь де л'Амбир» письмо из Смоленска некоего французского офицера, привел его суждение о том, что «в оном городе есть много медведей, прирученных к верховой езде и к запряжке»²¹¹. Посоветовав отступавшим французам запрячь «ездовых» медведей в сани вместо павших лошадей, автор заметки излил сарказм по поводу стереотипов воображения противника о дикости русских.

Цитируемый нарратив мог вызвать доверие у многих читателей, поскольку вписывался в рамки распространенного в России социального представления о французах как о представителях мира, не подчиняющегося законам человеческой логики. Но, вероятнее всего, он был придуман русским журналистом: как ни искал, в «Журналь де л'Амбир» мне такого свидетельства найти не удалось.

Не удивительно, что многие очевидцы, описывая по прошествии месяцев или лет пережитые ими события, даже не пытались воспроизводить увиденное на основе личных, неповторимых впечатлений, прибегая вместо этого к идеологическим клише, взятым не только из официальной пропаганды (именно отсюда воображением россиян и был усвоен апокалиптический образ неприятеля-зверя), но и из тех нескончаемых разговоров, которыми были заполнены их будни. Чины Великой армии также (ре-)интерпретировали увиденные ими в России объекты и явления социальной культуры, следуя тенденциям общественного дискурса. Например, Сегюр, влияние идеологического канона на сочинение которого особенно заметно, писал о том, что война 1812 года не являлась столкновением между правителями, но «войною классов, войною отечеств, войною религий, всеми этими войнами одновременно»²¹².

Подобным образом описывали 1812 год многие пережившие его очевидцы, но, к счастью для историка, далеко не все. Тексты альтернативного содержания, к которым с российской стороны принадлежат ранние при-

²¹⁰ Сысоев А. Д. Рассказ купца // Рассказы очевидцев. С. 15.

²¹¹ ВЕ. Ч. 65. С. 315. [Известия и замечания].

²¹² Ségur Ph.-P., de. Un aide de campe de Napoléon. P. 81–82.

меры устной истории, записанной со слов, главным образом, «обычных» людей, доказывают, что кроме всемогущих идей и порожденных ими стереотипов и автоматизмов коллективного мышления, немаловажна и эмпирическая сторона восприятия бытия, основанная на личных эмоциях действующих лиц исторического процесса²¹³. Несмотря на стремление конфликтующих центров власти распространить и укоренить среди своих подданных чувство ненависти к иноземным «варварам», сохранились сведения о дружественных отношениях между россиянами и французами. Одно из таких устных преданий повествует о почтенном московском купце, который, несмотря на изначальные предубеждения, по-отцовски привязался к остановившемуся у него на постой французскому офицеру. Когда же его постоялец, замешкавшийся с отъездом из города, был схвачен толпой, старик добился его освобождения, объявив, что это не француз, а «бравый испанец»²¹⁴.

Зафиксированные в источниках случаи проявления местными жителями милосердия к незванным пришельцам также являются доказательством поверхностного характера влияния официальных идей на их умонастроения. Растроганные жалким видом «французских» пленных из итальянцев и немцев, московские купцы угощали их калачами²¹⁵. Уцелевшим в кровопролитных сражениях, а затем избежавшим расправы во время пленения (упоминания о таком исходе все же гораздо более часты), чинам Великой армии случалось принимать от крестьян угощение «Христа ради» и выслушивать их сочувственные слова:

Ведь не своею волей шли, нас пошлют, так и мы пойдем²¹⁶.

Характерно, что французские офицеры извинялись перед москвичами почти в аналогичных выражениях:

Вы, кажется, ненавидите нас за то, что мы пришли к вам в Москву, но мы в этом не виноваты; мы должны были повиноваться своему государю; если бы вы были на нашем месте, то тоже должны бы были исполнить волю вашего царя²¹⁷.

Таким образом, на уровне обыденного, удаленного от постоянного идеологического влияния, восприятия действительности, людей по обе

---

²¹³ Солсо Р. Когнитивная психология / Пер. с англ. С. Комаров. 6-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2012. С. 132–134.

²¹⁴ Двенадцатый год: Современные рассказы, письма, анекдоты, стихотворения. С. 387–388.

²¹⁵ Глушковский А. Москва в 1812 году: из записок // Красный архив. Москва, 1937. № 4 (83). С. 139.

²¹⁶ Французы в Горенках // Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. С. 54.

²¹⁷ Глушковский А. Москва в 1812 году. С. 156.

стороны «баррикады» иногда посещали мысли о политическом, межгосударственном характере конфликта, не имевшего ничего общего с противоречиями между народами или цивилизациями.

Несмотря на относительную редкость проявления этого эмпирического пласта в текстах эпохи, именно его существование позволяет описывать ее историю не только в категориях противоборства цивилизаций, но и с позиции неконфликтной встречи социальных опытов. Если даже согласиться с классическим определением границы между цивилизациями, предложенного антропологом М. Моссом, как пространства, в котором исчезают общепринятые и постоянно действующие в определенной социальной культуре смыслы и формы поведения человеческих коллективов²¹⁸ (в случае русского похода Наполеона это изменение наблюдалось его участниками лишь отчасти), то универсальными все же остаются незыблемые в веках основы общественной сущности человека. Неоднократные свидетельства как французов, так и россиян о человеческом отношении чинов Великой армии к представителям различных сословий русского общества²¹⁹ доказывают, что такие гуманные

²¹⁸ Mauss M. La civilisation. Eléments et formes // Mauss M. Oeuvres. T. 2: Représentations collectives et diversité des civilisations. Paris: Minuit, 1974. P. 471.

²¹⁹ В отличие от обличительного стиля воспоминаний московского купца, утверждавшего, что «сострадание французам неведомо» (Ж[данов] П. П. Памятник французам. С. 9), другой очевидец пребывания Великой армии в Москве свидетельствовал: «Французский солдат встретил на кладбище прячущуюся там беременную женщину из народа; без помощи, без пропитания, попав в беду, она была готова расстаться с жизнью; великодушный военный, тронутый положением этой несчастной, отправился искать пропитание, и впоследствии кормил ее много дней». (L[ecointe] d[e] L[aveau] G]. Moscou avant et après l'incendie, par un témoin oculaire. P. 125). А вот рассказ французского военного, проливающий свет на психологические мотивы такого рода поступков: «Самая большая церковь Смоленска была заполнена мужчинами, женщинами, детьми, пришедшими сюда в поисках убежища, даже хоры были облеплены ими: какое выражение на всех лицах! Душа от этого рвется на части». (Boulart J.-F. Mémoires militaires. P. 249). Об этом же зрелище другой участник русского похода писал: «У тех из нас, кто не был обделен хотя бы каплей человечности, разбилось сердце и на глазах показались слезы сочувствия [...]» (Kerckhove J. R. L. Histoire des maladies observées à la Grande Armée française. P. 55). Ниже привожу свидетельства россиян, смотревших в 1812 году на французов детскими, не застланными пеленой идеологии, глазами: «Заперлись себе в соборе, запрятались на хоры и сидим; французы как будто и позабыли о нас: не идут ни грабить, ни резать нас. Несколько человек пришло из города, и тогда мы услышали, что они грабить мастера, зато никого не режут и не убивают; вот наш детский страх и прошел». (Цит. по: Мурзакевич И. Жизнеописание (история) священника Никифора Адриановича Мурзакевича, автора «Истории города Смоленска» // СС. С. 197). «На другой же день приходили к нам французы на постой: человек около тридцати. Мы было испугались, а дядя говорит: Ничего, нам еще с ними безопаснее будет. Около нас стояли французы, и не слышать, чтобы они кого обижали. Дом большой: и им будет место, и нам». (Сысоев А. Д. Рассказ купца. С. 14). «У тетки все благополучно: стоят у нее в доме три француза, сами не обижают и другим в обиду не дают». (Павел, отец (в миру Петр Григорьевич Боровский). Рассказ иеромонаха

Введение

качества как сочувствие, сопереживание чужому горю, стремление понять логику и позицию собеседника, уважение к мужеству противника, а также наблюдавшееся пришельцами и представителями вернакулярной культуры тождество моральных критериев при определении добра и зла, не были окончательно забыты даже при том ожесточении сердец, которое является обычным следствием войны.

Чудова монастыря // Рассказы очевидцев. С. 26). «Француз, добрый он такой и веселый». (Левицкий Ф. И. Рассказчик ранний священник церкви Филиппа митрополита на Мещанской. С. 47). «Хотя французские офицеры были сами небогаты съестными припасами, но они делились ими с русскими детьми, а при болезнях лечили их своими медикаментами, одним словом – они имели об них такое же попечение, как об своих собственных детях». (Глушковский А. Москва в 1812 году. С. 156; Попов А. Н. Французы в Москве в 1812 году // РА. Г. 14. 1876. № 3. С. 338). «Эти французы такие добрые! Сам голоден, отломил себе только кусочек, а хлеб отдал мальчику». (Рассказ простой женщины о двенадцатом годе // РА. Г. 9. 1871. № 6. С. 212). «Приголубили нас французы; видно жаль им было детей, и приносили они нам хлеба и всякой всячины». (Полуярославцева А. П. Рассказ дворянки // Рассказы очевидцев. С. 9). Исходя из вышеизложенных свидетельств, трудно не согласиться с мнением одного из участников русского похода, что «общительный нрав делает французского солдата удобным, веселым и полезным гостем, симпатичным даже для его противников». (Bénard Ch. Souvenirs de 1812. Un prisonnier français en Russie / Préface de F. des Sullies // La Giberne. Paris, octobre 1904. P. 51). Другой его участник и, впоследствии, историк кампании 1812 г. Ж. де Шамбре отмечал: «Что касается [французского] солдата, то [в России] он остался таким же – самым интеллигентным изо всех европейских солдат». ([Chambrais G., de.] L'histoire de l'expédition de Russie. Paris: Pillet, 1823. T. 2. P. 30).